



Елена Безрукова

Девочка, я тебя присвою

<https://litres.ru/74271263>

Аннотация

— Снегурочка, ты что тут делаешь? — спросил он, поймав меня в капкан. — У меня есть имя, — заявила я. — Меня зовут Кристина. — Да плевать, Снегурочка. Я спросил: что ты тут делаешь? Ты понимаешь, куда ты влезла? — Куда? — В мою жизнь. Ты и в класс один со мной пойдёшь? — Это не моя идея. Так решила моя мама. Руки убери! — пихнула я его в грудь. — Не прикасайся. Мне с тобой говорить не о чем! — Нет, послушай, — мягко, но крепко он взял пальцами мой подбородок. — Мне все равно, кто и что за тебя решил, но раз ты уже влезла в мою жизнь, куда тебя никто не звал, ты не должна попадаться мне на глаза. Поняла? — Но... — Иначе тебе будет здесь очень плохо. Я предупредил. — ПРОДОЛЖЕНИЕ - ДЕВОЧКА, Я ТЕБЯ ПРИСВОЮ 2 -

Содержание

ПРОЛОГ.	5
1.	7
2.	14
3.	19
4.	25
5.	32
6.	38
7.	44
8.	49
9.	53
10.	57
11.	63
12.	68
13.	74
14.	81
15.	86
16.	92
17.	96
18.	101
19.	107
20.	113
21.	120
22.	126

23.	132
24.	139
25.	143
26.	148
27.	155
28.	160
29.	166
30.	172
31.	176
Конец ознакомительного фрагмента.	178

ПРОЛОГ.

По дороге в свою комнату я столкнулась нос к носу с Архипом. Сначала мы оба застыли, глядя друг на друга. Этого я и боялась... Сейчас обязательно прицепится. Смотрел, словно голодный злой тигр перед прыжком.

Я попыталась быстро обойти его и скрыться в своей спальне, но он перегородил мне дорогу и начал наступать. Мне не осталось ничего кроме как пятиться, пока я не врезалась спиной в стену — дальше отступить было некуда.

— Ай... — пискнула я и снова застыла.

От него так и веяло тихой яростью. Он оказался так близко, что я ощущала запах его туалетной воды, тепло, исходящее от него.

Сердце стучало быстро-быстро, дышать получалось с трудом и только короткими вдохами, а язык вообще словно к небу приклеился...

— Снегурочка, ты что тут делаешь? — спросил он, поймав меня в капкан. По обе стороны от меня были его огромные ладони, он заблокировал меня у стены. Между нами остались считанные сантиметры воздуха, и я ощущала себя птичкой в лапах огромного кота.

— У меня есть имя, — заявила я. — Меня зовут Кристина.

— Да плевать, Снегурочка. Я спросил: что ты тут дела-

ешь? Ты понимаешь, куда ты влезла?

— Куда?

— В мою жизнь. Ты и в класс со мной один пойдёшь?

— Это не моя идея. Так решила моя мама. Отстань! — пихнула я его в грудь. — Не прикасайся. Мне с тобой говорить не о чем!

— Нет, послушай, — мягко, но крепко он взял пальцами мой подбородок и поднял голову вверх так, чтобы мои глаза оказались ровно напротив его. — Мне все равно, кто и что за тебя решил, но раз ты уже влезла в мою жизнь, куда тебя никто не звал, ты не должна попадаться мне на глаза. Поняла?

— Но...

— Иначе тебе будет здесь очень плохо. Я предупредил.

Он опустил глаза на мои губы и задержал взгляд на несколько секунд. Стало совсем неуютно, по спине пробежала волна мурашек... На пару мгновений мы словно застыли оба и потерялись по времени, растворились в глазах друг друга...

— Убери лапы! — повторила я, и уже ощутившее ударила по его рукам.

— Да кому ты нужна? — ответил он с брезгливым выражением и отошёл на шаг в сторону. — Пойду, руки помою... И насчёт машины мы с тобой не договорили.

1.

Кристина.

— Так, ещё одну серию, и за уроки...

Смотрела уже пятую по счёту серию, вместо того чтобы готовиться к экзаменам. Ну никак не оторваться — такой, зараза, интересный!

Посоветовала же на мою голову этот сериал Лёлька! Теперь меня за уши не оттащить от планшета.

А ведь готовиться нужно. Десятый класс заканчивается, ответственный год впереди, и довольно много дисциплин необходимо сдать хорошо, чтобы перевели в одиннадцатый класс, но вместо этого я смотрю сериалы...

— Привет, дочь! — услышала я голос мамы после хлопка входной двери и подскочила с кровати, едва не уронив устройство.

— Привет, — почесала я задумчиво в затылке.

Блин, так ведь и не села заниматься... Шла седьмая серия, Кристина обо всём на свете забыла.

— Как ты? — спросила мама, когда дошла до моей комнаты. — Пакеты поможешь разобрать? И ужин приготовить.

— Да, конечно, мам, — ответила я.

Кто же, как не я, ей поможет в этом большом и страшном мире? Мы с ней вдвоём — сила. Хотя за последние полгода у мамы точно кто-то появился. Мужчина. Она с кем-то ходит

на свидания и иногда даже ездит с ночевками на турбазу. Но я её ухажера никогда не видела, впрочем.

— А уроки сделала? — задала вопрос она, пока мы распаковывали и раскладывали по местам продукты из магазина.

Я с опаской глянула на неё. С этой женщиной шутки плохи! Она ещё и учитель в моей же школе. Правда ведёт она географию, которую в десятом классе уже не изучают, так что мы почти не пересекаемся в школе, но вот дома... Тотальный контроль над домашними заданиями и оценками. Впрочем, я всё равно стараюсь всё сдавать на пятёрки — очень хочу поступить на юридический факультет и получить высшее образование.

— Не всё ещё, — соврала на белом глазу я. Не говорить же ей, что даже и не начинала, в сериал втыкала? Тогда я получу по заднице прямо вот этой тушкой курицы...

— Не всё — или не притрагивалась даже? — заметила проницательная мама, но я и бровью не повела. Оборону надо держать, раз уж принялась врать.

— Не всё.

— И сколько ещё осталось заданий? Алгебра?

— Она, родимая, — вздохнула я.

Вот уж что мне давалось очень непросто, так это алгебра. Все эти формулы не для меня. Мне больше нравились гуманитарные науки: география, обществознание, история... Творчество совершенно не моё, пою я как пьяный медведь, которому по ушам несколько раз проехали гусеницей трак-

тора, а танцую ещё хуже... Я тот самый танцор от бога, которому абсолютно всё мешает. В общем, творческой жилки во мне точно не зародилось. Я была самым обычным тинейджером, который ничем не выделялся среди сверстников кроме цвета волос натуральной блондинки. Вот так нас с мамой одарила природа — мы две беляночки: белые волосы, ресницы, брови.

— Так ты с ней до ночи сейчас бодаться будешь, — утешила меня всегда понимающая мать. — Иди тогда, занимайся. Курицу я сама поставлю. Странно, что ты до сих пор ещё не справились с уравнениями, время уже семь... Эти педсоветы перед выпуском малышей меня добивают...

— Ладно, — ответила я, вытаскивая последние продукты из пакета. — Сейчас пойду... Только посмотрю, что ещё ты купила... Ого! — подняла я глаза на неё.

— Икорка? Креветки?

— Ну да. А что? — пожала плечами мама.

— Ты получила зарплату и всю её потратила на деликатесы? — спросила я.

— Нет...

— Опять этот твой тебя спонсирует?

— Володя, а не этот твой, — посмотрела на меня мама.

— И что плохого, что он хочет накормить вкуснее свою женщину? У него есть для этого возможности.

— Не знаю, — теперь пожала плечами я. — Наверное, действительно, ничего. Было бы куда хуже, если бы он сам

приходил к нам доедать нашу гречку с курицей.

— Вот именно, — поправила мама волосы, которые она теперь красит в дорогом салоне. — Володя — умница, он нас с тобой из нищеты вытащит. Но я его люблю не за это.

— Да знаю, — отмахнулась я.

Моя мама никогда не была охотницей за деньгами — это правда. Мы всегда жили скромно и по средствам, но в последнее время наша жизнь в самом деле довольно лихо изменилась. В доме появились продукты более высокого качества, дорогие деликатесы, новые кухонные приборы. У мамы появились красивые наряды и деньги на походы в салон красоты. Я к этому была совершенно равнодушна даже в своинадцать — слава богу, волосы здоровые, я их не крашу, и им достаточно обычного ухода дома, а у мамы уже бывают седые волоски, и она подкрашивает волосы в салоне. А ещё делает разные процедуры для них, что тоже, недешёвое удовольствие, и раньше на зарплату учителя такого себе позволить она, естественно, не могла. Так что “Володя”, как ласково зовёт своего ухажера мама, в самом деле её жизнь украсил, что, конечно, хорошо. Отца я никогда не видела, и мама всю жизнь и молодость отдала мне. Теперь же, когда я уже выросла, она решила наконец пожить и для себя.

— Иди делай алгебру, — забрала из моих рук продукты мама.

Я молча потопала в направлении своей комнаты и нехотя разложила учебники.

— Какая же скучная муть... — вздыхала я, переписывая пример уравнения, которое затем следовало решить...

Когда почти всё было сделано, за окном уже стемнело. Поток мыслей сбил звонок телефона. Лёлька — ну естественно, она не ляжет спать, если не поговорит со мной на ночь.

— Привет, — услышала я, когда приняла вызов и приложила смартфон к уху.

— Привет, — ответила я.

— Чего ты такая строгая? Занята чем?

— Ты мне мешаешь грызть гранит науки.

— А чё там? Алгебра?

— Ага... Моя любимая.

— А, да брось ты каку, — сказала Лёлька. На самом деле зовут её Ольга, но она предпочитает несколько другое имя...

— Я уже всё сделала. Завтра дам списать. Приходи пораньше, чтоб скатать успела.

— А ты уже всё-всё сделала? — завистливо спросила я.

Вот везёт ей! Мозги не в ж... Не в жёсткой прокрастинации. А там где надо и как надо работают. Лёлька эти примеры щёлкает как семечки! А я быюсь над ними вечерами.

— Да, говорю же: дам списать завтра. Расслабься! Ты мне скажи лучше вот что: ты со мной пойдёшь завтра к Соломатиной?

Соломатина — какая-то знакомая Ольги, девочка из золотой молодёжи. Намечается вечеринка в её загородном доме, пока родители улетели на отдых — классика жанра.

— Да не знаю я, — вздохнула я. — Что мне там делать? Я ни с кем из этой “Илиты” не знакома.

— Вот и познакомишься! — заявила Олька. А потом вдруг принялась канючить: — Ну, пожалуйста-пожалуйста! Там будут Питерский и Ветров. Я очень-очень хочу с ними познакомиться.

— И кто это? — изогнула я бровь. Лично мне эти фамилии совершенно ни о чём не говорили. Наверняка какие-то гадкие мажоры, известные своими гадостями, иначе Лёлька не мечтала бы увидеть их воочию. — Плейбои местного разлива?

— Почти, — усмехнулась она. — Ну, добрая половина девчонок с ними бы, конечно, пообщаться были не против.

— Тогда точно мне неинтересно, — сморщила я нос, словно мне под самые ноздри мерзость какая попала и смердела.

— Ну ради меня, зай, — Лёлька сменила тон и стала теперь сюсюкать со мной. — Пожалуйста.

— Ради тебя... — протянула я. — Это надо подумать.

— Так, Калистратова, — применила тактику кнута вместо пряника Ольга. — Я тебе скатать завтра ничего не дам, если ты меня не поддержишь как подруга.

— Ладно-ладно, стопэ, — тут же дала заднюю я. — Сходим мы к твоей Соломатиной, ходим.

— Вот так-то лучше, — победно заявила подруга.

— Шантажистка!

— Ещё какая! Тогда до завтра, Крис.

— До завтра, шантажистка! — повесила я трубку под её смех. — Вот ведь... среди бела дня шантажируют! — сказала я сама себе. — То есть, это... Среди ночи, конечно. Уже почти десять. Соломатина эта... Я б лучше сериал посмотрела завтра.

Только и осталось, что грустно вздыхать. Ведь не даст мне больше Ольховская скатать алгебру, если я её так грубо предам и не пойду с ней пялиться на плейбоев доморощенных и “илитных”!

Придётся идти.

2.

АРХИП.

— Опять эти ваши устрицы... — недовольно ковырял я вилкой ужин из ресторана.

Готовить мама не любила. А есть устриц — очень даже. Вот и едим... Для кого-то это деликатес желанный, который редко появляется на столе, а меня этот деликатес порядком задрал уже. Хочется просто пюрежки с котлеткой...

— Милый, ну прекрати, — высказалась мать. — Это же вкусно.

— Вкусно? — поднял я брови вверх. — Резина какая-то...

— Вот когда будешь зарабатывать сам, тогда и будешь есть, что хочется, — вступил в диалог отец. — А сейчас ешь, что поставили. Перебирает он... В конце концов, многие бы тебе позавидовали. Вилка из серебра, устрицы на столе. А ты выделываешься! Где твоя благодарность?

Я молча поджал губы. Да, вилка серебряная, устрицы на фарфоровой тарелке в столовой на двадцать человек в огромном зале, именуемом “столовая”. Машина класса люкс, ведь мне восемнадцать исполнилось уже, а права я получил заранее. Брендовые шмотки, дорогие телефоны... Только я бы хотел пюрежку с котлетой. И право выбора.

Что есть. С кем дружить. Куда поступать учиться.

Я хотел пойти в музыкальное училище. Игра на гитаре и

вокал мне очень нравятся, но отец запрещает. Говорит, что профессия несерьёзная и нестабильная... Он прав, наверное. Но от юриспруденции меня просто тошнит. Однако, сыну депутата не пристало “брынчать на балалайке” как говорит папа... Только солидная профессия, да и бизнес нужно передать кому-то. Сын у него один — я, потому и вся “любовь” тоже достаётся мне.

Друзей отец тоже отбирает. Не позволит общаться любыми путями, если выбранный друг его не устраивает. Одобрил только Питерского — среди своих Питер, и то — потому что его папа тоже чиновник.

Про то, кого любит, папочка тоже распорядился. Дочь Завьяловых Динка, из семьи ещё одного высокопоставленного лица, отец посчитал, что мне подходит. Нам было лет по двенадцать, когда отцы решили, что стоит нас поженить. Благо, что с Динкой бы классно общаемся, и мне она, в общем-то, нравится. Ей сейчас шестнадцать, скоро семнадцать, и до ее совершеннолетия у нас лишь платоническая любовь — иначе старший Завьялов мне кое-что оторвёт...

— Ладно, жуйте сами свою резину, — встал я из-за стола.
— Я пойду бутербродов нарежу.

— Сухомятка? — в спину возмутилась мама, фанат правильно питания. Морковь — наше все. И устрицы, да.

— Мам, я ушёл, — отмахнулся я, направляясь в кухню. В животе урчал дикий голодный зверь. Какие нафиг устрицы? Есть у нас колбаса обычная, интересно? Сейчас проверим в

холодильнике.

— Нет, ты это слышала, Аня? — говорил отец матери. — Жуите сами свою резину... Хам малолетний...

— Да, за языком не следи, — подхватила она. — В приличном обществе нас не поймут.

Я закатил глаза. Они порой как два зомби — что скажут люди, что скажет общество, люди не нашего круга... Бл-бла-бла...

— Я его в лагерь на всё лето отправлю, — заявил отец. — Пусть там воспитывают.

Так. Стоп.

Аж чуть не врезался в косяк дверного проёма. Резко обернулся и пошёл назад. Отец опять всё решил за меня и без меня?!

— Что за лагерь? — нахмурился я. — Ты мне ничего не говорил.

— Спортивный, — поднял отец голову. — На море. Тебе понравится.

— С серебряными вилками?

— Да, очень хороший и дорогой, если ты об этом, — ответил отец, как ни в чем не бывало, выковыривая вилкой устрицу.

— А как ты меня туда определил, если мне есть восемнадцать уже? — спросил я.

— Это уж не твоя забота, — сказал папа. — Обо всём договорился. Экзамены сдашь и поедешь на все три смены.

— А как же репетиции?

— Ну... Между сменами.

— Но осенью у нас фестиваль...

— Успеете. Нас с мамой тоже часто не будет летом, нечего тебе тут без присмотра сидеть.

— Но...

— Ты не доволен лагерем на море, сын? — возмутился отец. — Ты уже вообще обалдел, что ли?

— Да нет, за это, конечно, спасибо, — ответил я. — Но не слишком ли долго?

— Нормально, — парировал папа. — Иди уже, ешь свои бутерброды, и закрыли тему. В лагерь ты едешь после экзамена. Дина, кстати, тоже.

Ну против Динки я никогда не был против. Веселее хоть будет. Ничего удивительного, что они нас вместе в один лагерь решили засунуть.

— Ладно, — ответил я. — Чего мне в самом деле тут с вами тереться... Лучше уж на море.

— И... Поосторожнее там, сын.

— Да знаю я.

Отец явно говорил о Дине. Но я всё прекрасно и сам помню. Можно не напоминать по тысяче раз — она неприкосновенная. Только смотреть, руками не трогать.

Я ушёл в кухню и нырнул с головой в огромный холодильник.

Так, колбаса и сыр есть — уже жить проще.

Надеюсь, вечеринка у Соломатиной будет веселее, чем устрицы...

3.

КРИСТИНА.

Остаток дня после занятий в школе я снова утонула в сериале. Мне кажется, я могла бы смотреть его всю свою жизнь, а экзамены пусть сдаёт Пушкин...

А вечером за мной примчалась Лёлька, видимо, рассудив, что я могу и сбежать с мероприятия. В принципе, так оно и было — я просто забыла про неё и вечеринку, и дверь открывала в домашних шортиках и маечке с дулькой на голове...

— О, привет! — попыталась я изобразить радость встречи с подругой. Но судя по её лицу понимала, что сейчас получу по первое число.

— Так, Калистратова, — прошипела она, втискиваясь в наш тесный коридорчик. — Ты чё — забыла, да? Или просто не собиралась идти со мной?

— Да я... — протянула я, совершенно не зная, что же ей соврать правдоподобное. — Сериал засмотрелась просто.

— Ты забыла про вечеринку?

— Нет, конечно, уже собираюсь!

— Списала алгебру и решила не идти? — грозно спросила подруга. — Надуть меня?

— Да нет же...

— Я ж тебе больше ни одного примера не дам скатать

больше!

— Да собираюсь я! — ответила я ей не менее грозным взглядом. — Шантажистка.

— Давай-давай, — в шутку хлопнула она меня по попе. Ненавижу когда она так делает! Ну и дурацкая штука-привычка. — В темпе вальса. Чего там у тебя из приличного имеется в гардеробе?

И она принялась перетряхивать весь мой шкаф в поисках подходящих по её мнению вещей для вечеринке у золотых детей. На мой взгляд, что бы я ни надела, всё равно для элиты это будет низкосортный ширпотреб. Уж бренды они умеют отличать от подделок. Но с другой стороны — не идти же в трусах и лифчике, что-то придётся выбрать. Что там носит золотая молодёжь, я понятия не имею, поэтому сложила обязанность выбора гардероба на Ольгу. Я свои вещи одинаково люблю.

— Вот эти джинсы хороши, — сунула мне в руки “варёнки” Лёлька. — На вид приличные, я б сама носила. И вот эта футболка. Белая, классика.

— Ок`ей, — кивнула я и переоделась. — Сейчас подкрашусь ещё. Кстати, на чём мы поедем?

— Нас подвезут, — ответила она, наблюдая как я рисую стрелки на глазах подводкой.

— Кто?

— Договорилась Соломатина, знакомый парень нас подхватит, на остановку только дойдём.

— А ты не боишься так ехать? — посмотрела я на неё, оставив недорисованным глаз. — Ты его знаешь?

— Почему не знаю? — пожала плечами она. — Знаю, правда не очень близко. И там будем не только мы, он с девушкой своей. Чего нам бояться?

— Ну, тогда ладно. Поехали.

Я заплела на голове колоски, немного брызнула на кожу духов и мы с Ольгой спустились вниз. Возле подъезда застали мою маму, выходящую из дорогого внедорожника. У нас с Лёлькой так и упали на пол челюсти.

— Ну пока, дорогой, — сказала она мужчине, сидевшему на водительском месте черного, железного, глянцевого монстра.

Она захлопнула дверь, и внедорожник уехал. А мы проводили его взглядом и уставились на маму.

— Ничего себе у тебя поклонник, мам, — сказала я. — Он у тебя что — мэр города?

— Хорошая машина, — протянула Лёлька.

Та всегда во всех брендах разбиралась, даже в марках и классах автомобилей. Раз говорит, что хорошая, значит, неприлично дорогая. Кто же тогда этот мужчина? Уже как-то страшно за маму становится. Люди с деньгами и положением могут быть и опасны. Я вообще от этих богачей и повелителей жизни стараюсь быть подальше... Они могут раздавить нас, мелких мошек, совершенно без сожаления, если

мы перестанем им быть удобными.

— Ну Володя политик, да, — ответила мама, растянув улыбку до ушей. — Кажется, настало время вас познакомить поближе. Потому что... Вот.

Она протянула руку, чтобы мне было видно её новое кольцо. “Володя” сделал ей предложение...

— Ты замуж собралась? — спросила я.

— Вау, поздравляю! — завопила Ольга, вцепившись в руку мамы. Уж она-то понимает стоимость этого кольца...

Я же её восхищения не разделяла. Растерялась даже. Это означает, что мама выйдет замуж, и наша жизнь изменится... И почему-то мне казалось, что для меня это ничего хорошего не сулит.

— Да, Володя сделал мне предложение! — Мама же просто сияла от счастья как начищенный самовар. — Так что скоро у нас с тобой, Кристиночка, появится любящая семья!

— Семья? — напряглась я. — Он что — не один?

— Нет, конечно, — ответила она. — Он же взрослый солидный мужчина. У него есть дочь, шестнадцать лет. Почти твоя ровесница. Вы подружитесь, я думаю. Скоро у меня будет муж, а у тебя появится сестрёнка!

Мы с Лёлькой переглянулись друг с другом.

Сводная сестра? Это что-то новенькое...

Она из той самой золотой молодёжи, я так полагаю. А значит, мы с ней далеки друг от друга как балерина от медведя, и очень вряд ли подружimsя. Однако, с этим положени-

ем вещей нам обоим придётся смириться — родки нас не спросят, поженятся, и всё.

— Поздравляю, мам, — попыталась я изобразить хоть какое-то подобие радости.

Всё-таки для неё это счастливое событие. Она так долго была одна, мне нужно хотя бы попытаться её понять несмотря на то, что мне даже страшно от того, что будет дальше.

— Спасибо, дорогая, — улыбнулась она мне. — Скоро будет ужин, где вы познакомитесь поближе.

— Э-э... Ладно. Познакомимся...

— А вы куда такие нарядные собрались-то? — оглядела нас мама, заметив за своим счастьем кого-то ещё...

— Да в гости, — сказала я, мягко пнув Лёльку, чтобы та про вечеринку молчала. — К однокласснице. Вечерком домой.

Мама такое не любит, начнёт сейчас читать лекции о вреде курения, алкоголя и незащищенных половых связях...

— Чтобы в десять дома была, — строго сказала она. — По темени не ходить. Тебе дать денег на такси?

— А есть?

— Да, мне Володя дал денег на расходы.

— Какой щедрый Володя... — пробурчала я, забирая из её рук тысячерублёвую купюру.

— Щедрый. Потом сама убедишься. Ну, хорошо вам погулять, девчонки! И помните — от курения раньше срока

появляются морщины!

Она ушла в подъезд, а мы поспешили на остановку — совсем скоро должны подъехать ребята за нами.

— Да уж, — хмыкнула Ольга. — Кажется, твой новый отчим и вправду какой-то богач, раз ездит на такой крутой тачке и деньги легко раздаёт.

— Видимо, — пожала я плечами.

Только меня это скорее пугало, чем радовало.

4.

— Привет, девчонки! — поздоровался с нами парень из авто, что приехало за нами.

— Привет, Лёшка! — побежала к нему обниматься Ольга.
— Это моя подруга, Кристина.

— Очень приятно, — окинул меня взглядом из-под очков Лёшка. — Садитесь в машину, поехали.

Мы разместились на заднем сиденьи. Впереди нам улыбалась какая-то девушка.

— А это моя Марина, — представил на её Лёша.

— Очень приятно, — кивнула я.

Ольга же с ней тоже поздоровалась как со старой знакомой. Она их уже видела, а вот мне становилось все менее уютно — я-то впервые в жизни вижу этих молодых людей. И на то, что когда-то стану им другом и частью их мира, я не рассчитывала. Да и не нужно мне это, в принципе. Меня вполне устраивал мой мир. Это Ольку вечно куда-то несло, это она мечтала о шикарной жизни. Я же за таким никогда не гналась. За всё в этой жизни надо платить, и за богатства — тоже. И цена у такой сделки с дьяволом может быть слишком высока.

— Вон он стоит, — тыкнула пальцем в окно Марина.

Лёша притормозил на ещё одной из остановок.

— Девчонки, двинься! — сказал он нам. — У нас ещё

один пассажир.

Мы переглянулись и подвинулись. Я оказалась как раз посередине.

— А чего Ветров не на тачке своей? — спросила Марина.

— Ветров? — встрепенулась Лёлька.

— А он сказал в ремонте она, пока своим ходом.

— А-а...

— Ну да, Ветер едет с нами, — обернулся к нам Лёша, а Оля захлопала в ладоши.

Я же закатила глаза. Вот радость-то — будет тут как кильки в банке на заднем сиденье вместе с каким-то мажором! Надо было садиться с того краю.

— Давай местами поменяемся, Крис? — попросила она меня.

— Да брось ты, — покачала я головой. — Я никуда не полезу, тем более...

— Привет, — услышала я низкий голос того парня, о котором была речь.

Он открыл дверь в салон и оборвал наши споры.

— Привет, — начали все с ним здороваться. Только я промолчала. Думаю, ему и так хватило оваций без меня. Вон Лёлька улыбается за всех сразу, едва из брюк не выпрыгивает...

Парень сел рядом, и стало гораздо теснее. Хоть машина и дорогая, но втроём всё-таки сидеть не особо комфортно. Я дёрнулась и попыталась ещё отодвинуться, но было некуда

— невольно ощущала очень близко крепкое тело парня.

— Кто не знаком — это Архип Ветров. Можно — Ветер. А это Ольга и Кристина. Ну, мою Маринку ты знаешь.

— Очень приятно, — снял очки с носа и окинул нас взглядом Архип.

— Взаимно, — снова заулыбалась во все свои зубы Лёлька.

А я снова промолчала. Я бы так не сказала, что мне очень приятно. Окинула его тоже оценивающим взглядом: волосы лощёные, небольшая щетина не по возрасту, крепкое тело и грудь, широкие плечи — парень точно занимается каким-то спортом. Красивый. Значит, наглый и заносчивый, как все мажоры. Шмотки явно дорогие, если не дороже этой машины, что везла сейчас в рай деток богатых родителей нас всех.

Глаза синие-синие... Надо же, никогда такого цвета не встречала. Интересный оттенок. Хотя он мог нацепить линзы. Такие как он точно любят красоваться перед девчонками, а тут такой повод — тусовка.

Архип.

Такое странное имя для мажора. Или его родители любят все старинное?

— Питер всё-таки не смог пойти с нами? — обернулась к нему Марина.

— Не, батя не пустил. Куда-то срочно улетают. К матери, что ли...

— Понятно. Без него будет не так весело.

— Ничего, зажжём и сами! — усмехнулся Архип.

Меня почему-то бесило каждое его слово и движение. И даже как сейчас он усмехнулся — нагло и противно — тоже бесило. Но я молчала, не буду портить вечер подруге. Побуду с ней ради приличия минут двадцать, а потом уеду. Тем более, Питерского не будет, а с Ветровым она только что познакомилась. План выполнен, мавр сделал своё дело, мавр может уходить!

— Это точно...

— А Дина? — задала новый вопрос девушка Алексея.

— Её родаки никогда на пати не пускают, — ответил парень. — Да и мы в ссоре. Расстались, короче.

— Надолго ли? — рассмеялся Лёша. — Уже сколько раз было.

— В этот раз навсегда!

— Что так?

— Опять мне сцену ревности закатила, что я посмотрел на чей-то зад по дороге в школу.

Пара рассмеялась.

— Ну вы даёте.

— Да ну её. Малявка она ещё совсем...

— Ой, да прямо... Через неделю опять за ручку ходить будете.

— Не уверен...

— Где же твоя тачка, Ветер? — спросил Лёша, когда мы снова выехали на дорогу.

— В сервисе, — ответил он и провёл по волосам большой пятерней. Они красиво осыпались чубо ему на лоб.

Эффектно. У Лёльки лицо идиотки и слюни сейчас закупают...

— А что с ней?

— А я откуда знаю? — пожал плечами парень, вальяжно рассевшийся в салоне авто. Он напоминал мне кота на солнечной лужайке, которые нализался сметаны, а теперь греет пузико на солнышке. — Не заводится.

— Так она же на гарантии ещё?

— Именно. Вот и пусть чинят.

— Верно. Офигеть, конечно. Новая тачка, и уже что-то навернулось в ней...

— Ну, не прямо новая, — ответил Архип. — Ей уже год. Но да — рановато для поломки. Посмотрим, что там отвалилось. Как бы продавать не пришлось. Как дела, девчонки? Архип обратил своё внимание и на нас.

— Прекрасно, — ответила Лёлька. Я-то отвечать, конечно же, не собиралась. — Очень рады с тобой познакомиться, Ветер. Так хотели!

— Правда? — заулыбался как чеширский кот Архип.

— Конечно, — кивнула Ольга. — Я идти сначала не хотела, Крис меня потащила, очень хотела с тобой познакомиться, а теперь я вижу, что не зря пошла.

Я аж поперхнулась и с недовольным видом уставилась на Ольгу. Лёлька сделала большие глаза, типа — подыграй мне!

Архип же перевёл взгляд на меня. Я повернула голову и встретила с его синими глазами.

— Снегурочка хотела познакомиться со мной? — Он протянул руку и ухватился пальцами за прядь моих волос. — Какая ты беленькая... Красишься?

— Тебе дать адрес моего салона? — ударила я его по руке, заставляя выпустить мои волосы. — Насколько Снегурочка поняла, Дед Мороз ведь несвободен? Пусть он хватает волосы своей подружки. Для удовольствия можешь её перекрасить в блондинку, если она не беленькая.

— Оу, шутки шутим, — сосредоточился он на мне ещё больше.

— Такие же дурацкие, как и твои.

— Снегурочка, ты чё такая дерзкая, а?

— А ты почему такой наглый и к людям пристаешь? И вообще отодвинься! Развалился на всё сиденье.

— Я тебя щас вообще отсюда на ходу высажу, слышь? — сверкнул он глазами.

— Эй, ребята, брейк! — повернулась к нам Марина. — Ну вы чего?

— Ничего, — фыркнула я. — Просто кто-то слишком много ест и не помещается на сиденьи. Скоро раздавит.

— Так это я тебе мешаю, а ты мне — нет! Может, самой пора сесть на диету?

— Да ладно вам ругаться, — влезла Ольга. — Уже почти приехали!

— И слава богу, — выдохнула я, поймав на себе очередной острый взгляд Архипа.

5.

В доме, таком огромном, что можно потеряться, мы разбредись кто куда. Ветров фыркнул в мою сторону и царственно прошёл мимо, за ним тут же увязалась стайка девочек с сердечками вместо зрачков. И Лёлька хотела последовать за ними.

— Ты куда? — ухватила я за руку Ольгу. — Я бегать в свите этого мажора не нанималась.

— Тогда наше место займут другие, — развела она руками.

— Пусть.

— Но мы же пришли сюда познакомиться с ним. Жаль, Питера нет, тоже красавчик — отвал башки!

— Слушай, ты что там несла про то, что я очень хотела встречи с Ветровым? Я же узнала о нем от тебя.

— Солнце, не обижайся, — сложила бровки домиком Ольховская. — Надо же было как-то поддержать разговор. А парни любят девушек неприступных, вот и я изобразила такую... Тебе же не жалко ради меня? Он тебе все равно не понравился. Пойдём... Место возле него уже заняли. Напротив есть ещё...

Она потянула меня за руку к диванам, на которых смеялись парни и девушки.

Я последовала за ней. Раз уж приехали, побуду немного

здесь, чтобы не бросать эту интриганку одну.

Ольга села напротив Архипа, я села рядом. Лёлька только и делала, что пыталась поймать взгляд нереально синих глаз и неестественно громко смеялась любой шутке Архипа. Впрочем, я пару раз невольно тоже улыбнулась — этот черт весьма занятно шутит. Парни с юмором — будущее планеты, так я считаю. Но... не в случае этого мажора. Конкретно он — гибель генофонда.

Архип же иногда кидал взгляды на меня. И задерживал их на пару секунд дольше, чем требовалось. Мои щёки стало печь от его тайного внимания — припомнит он мне мои резкие фразы в его сторону, как пить дать припомнит. Он меня точно запомнил. Впрочем, я его тоже, и на подобные вечеринки больше ни ногой.

— А давайте в «правда или действие» сыграем? — предложил кто-то из ребят.

— Давайте! — радостно загудел народ, и уже через минут на столе появились карточки.

— Итак, — объясняли нам правила игры. — Вы берёте одну карточку, там будет написан вопрос. Нужно честно ответить на него. Если вы отказываетесь — то должны выполнить действие, они написаны на соседних карточках. Давай, первый Архип.

Он словно не удивился, что из всей компании ему дали ход первым. Архип сменил позу и с умным видом вытянул одну из карточек с надписью «правда».

— Девушек/ парней с каким цветом волос ты предпочитаешь? — прочёл он вслух. Ну, парней никаких не предпочитаю, естественно. А девушки... Только не блондинки, пожалуй.

И уставился на меня. Я отвернулась от него. Подкалывать изволите, сударь?

Ну держись.

Когда очередь дошла до меня, я тоже вытянула одну из карточек.

— Где случился твой первый поцелуй? — прочла я. На такие вопросы я отвечать не готова. — А попримечнее есть карточки?

— А что такого в этом вопросе?

— Я не хочу на него отвечать.

— Тогда бери карточку с действием.

Я протянула руку и вынула карточку из другой стопки.

— Исполни желание сидящего напротив тебя человека другого пола.

Я подняла глаза. Напротив меня были несколько девушек и... Архип.

То есть, есть я его желание должна исполнить? Очень приятно!

Архип же усмехнулся.

— Так, Снегурочка... Что же тебе такое придумать? — веселился он и задумчиво чесал в затылке.

Только попробуй придумать что-то пошлое! Засуну тебе

эту карточку в...

Глубоко, короче. Не рискуй, Архип. Такой красавчик ещё нужен этим курочкам — едва джинсы его на залили слюной.

Я с вызовом смотрела на него и ждала. Если глухость какую вякнет — плюну на эту дурацкую игру и уеду домой. Пусть сами в неё играют...

— Стихи знаешь? — спросил он меня.

— Не любитель стихов, — ответила я.

— По тебе видно, — мазнул он по мне взглядом с усмешкой. — Ну хотя бы что-то очень известное. Поэты серебряного века?

Знаю, конечно. Но ему я на потеху публики читать не собираюсь.

— Знаю одно стихотворение, — сказала я.

— Читай, — расселся он удобнее на диване, предвкушая шоу.

Жаль, придётся тебя обломать, красавчик. Перед такими, как ты, я не прогибаюсь.

— Идёт бычок качается, вздыхает на ходу, — начала рассказывать я, смело вглядываясь в синие глаза. По большой гостиной, заполненной людьми послышался смех. — Но вот доска кончается, сейчас я упаду. Всё.

Я развела руками, обозначая конец своего «выступления».

Ребята начали смеяться громче.

— Не принято, — изогнул одну бровь Архип.

— Это почему ещё?

— Потому что мне не нравится, — нагло заявил он, и мне захотелось запульнуть прямо промеж глаз ему этой самой карточкой.

— В задании не сказано, что все должны остаться довольны моим стихом, — заметила я.

— Это не стих, а просто издевательство. Курам на смех. Очень мало.

— Про объём стихотворения тоже не сказано ни слова, — заявила я. — Считаю, что с заданием справилась.

— А я считаю, что нет, — настаивал на своём Архип.

— Да ладно тебе, Арх. Рассказала же!

— Я сказал, не справилась! — рыкнул он, и все резко замолчали.

Надо же какое влияние на своих элитных дружков... Да он настоящий Акелла!

— Что ты предлагаешь? — спросил кто-то из парней.

— Пусть отвечает на вопрос, — пожал плечами Ветров. — Либо правда — либо действие. Она не справилась со вторым, значит, пусть отвечает на вопрос.

— Я не буду отвечать на этот вопрос, — твёрдо заявила я.

— Нет?

— Нет.

— А чем он тебя так смущает? Ты у нас вся такая невинная, даже не целовалась? — явно ехидничал Архип, а может, даже хотел унижить прилюдно...

Да, угадал. Это подружкам твоим пробы негде ставить, наверное, а я ещё никому не позволила даже притронуться к себе.

— Не твоё дело, — ответила я.

— Тогда ты исключена из игры. Покинь поле, — заявил он.

Я фыркнула в ответ. Можно подумать, мне очень нужна эта дебильная игра!

Встала на ноги. Бросила карточку на стол, молча развернулась и вышла из-за стола.

6.

— Хотя постой-ка, — услышала я в спину и обернулась.
— Принеси мне сок. И свободна.

— Сок ты себе возьмёшь сам, — ответила я. — А я уже вышла из игры.

— Карточный долг — это святое. Слышала о таком? — не сдавался Архип. — Выполни и тогда выходи из игры!

— Не беспокойся, я принесу тебе, — встала на ноги Ольга.
— Ты какой любишь?

— Я люблю тот, который принесёт твоя подружка, — ухмыльнулся Архип.

— Я думаю, у тебя полно других подружек, которые тебе принесут напитки, — фыркнула я. — В зубах.

— Вообще, я и думал, что тебя сюда в качестве прислуги позвали, и носить мне сок и есть твоя обязанность тут.

— Ты ошибся, клоун.

— А так похожа на уборщицу.

— Да пошёл ты!

По гостинной прокатился гул.

Ветрова открыто послали!

Ну и что он теперь сделает?

И тут же округлила глаза. Лицо Архипа стало совсем злым, желваки заходили ходуном. Кажется, я всё же перегнула... И совсем страшно мне стало когда он резко сорвался со

своего места и полетел ко мне. Через две секунды я взлетела в воздух и оказалась на его плече.

— Эй, куда ты меня несешь?! — вопила я и била кулаками по его мощной спине. Но парень словно ничего не чувствовал.

— Тебе пора остыть, Снегурочка. Ты слишком горячая штучка!

— Что ты...

Мы оказались возле бассейна. Нет, только не это! Я же вся мокрая буду!

Но и слова пикнуть я не успела, как почувствовала сначала полет, потом погружение в холодную воду прямо в джинсах, кедах и майке....

Этот урод меня просто выкинул в бассейн!

— Придурок! — завопила я, едва вынырнув и отдышавшись.

Кожу пронзили тысячи иголок — вода к вечеру очень сильно остыла. В нашем регионе пока ещё лето не наступило, и купаться в ночном бассейне все-таки холодно... Мне бы и в голову не пришло пытаться это делать, если бы мерзкий мажор не скинул меня в воду!

— Ты всё ещё не усвоила урок? — насмехался он надо мной, пока остальные снимали всё на видео телефонов. Нашу стычку теперь облетит весь интернет... — Кого ты послала, курица? Ты вообще все берега спутала уже?

— Туда послала, где тебе самое место! — выкрикнула я и

поплыла к лестнице, ведущей из бассейна наверх. Глубокий, зараза! Я со своим метр шестьдесят не чувствовала дна. И холодный.

Однако едва я попыталась выйти из воды, Архип небрежно пихнул меня, и я снова свалилась в воду.

— Ты че творишь, идиот? — кричала я. — Дай мне выйти из воды.

— Нет, — перегородил собой проход Архип. — Не выйдешь отсюда пока не извинишься передо мной за то, что послала.

— Я не...буду извиняться, — зубы уже начинали стучать друг о друга о холоде. — Я же простыну, отойди! Человек ты в конце концов или нет?

— Я — человек, — ответил Архип, присаживаясь рядом на корточки, напротив моего лица. Синие глаза смотрели на меня в упор. — И между прочим, тебя никуда не посылал.

— Архип, но ведь она замерзла! — услышала я за спиной голос Ольги. Она одна не смеялась надо мной и не знала как подступиться и помочь мне... А всё из-за неё в итоге так сложилось! — Дай ей выйти, она всё поняла!

— Пусть извиняется, — стоял на своём Ветров. — Уйди отсюда и не мешай.

— Но...

— Я сказал, пошла вон! — посмотрел он на неё.

И она не стала спорить, просто отошла от меня. Кажется, её гораздо больше расстроило то, что Ветров на неё рявкнул,

чем то, что её подруга в бассейне ледяном. Подруга ли? С кем я всё это время дружила?

Я закрипела зубами от злости и попыталась вылезти с другой стороны, но и там Архип мне не позволил этого сделать, а на высокие борты бассейна я просто не смогла забраться, чем снова рассмешила его придурковатых друзей.

— Хочешь другой вариант извинений? — спросил Архип, явно наслаждаясь моей беспомощностью. Я уже и плавать устала, висела на перилах лестницы, по которой подняться мне не давал наглый бугай, и замёрзла.

— Какой? — спросила я.

— Поцелуй меня, и будем в расчёте, — сказал он, как-то странно поглядывая на мои губы.

— Ты совсем дурак? — тихо возмутилась я.

— Твой первый поцелуй в качестве извинений и за “дурака” сейчас меня устроит, — заявил он, а друзья загоготали. Боже, ну какие придурки! Правильно я всегда не переваривала этих детей, зажавшихся от сытой жизни. Детей, которые считают, что им можно всё, даже вот так запросто потребовать мой первый в жизни поцелуй. — Ну?

Он наклонился ниже и так близко, что при желании я могла бы достать до его губ... Но такого желания у меня, конечно, не было.

— Я лучше умру тут от холода, — проговорила я, чувствуя, как спустя всего минут десять в этом бассейне у меня уже стало болеть горло. — Чем поцелую такого как ты.

— Правда? — изогнул он одну бровь. — Тогда купайся ещё! Работай ножками и ручками, чтобы было не так холодно!

Я проплыла еще пару кругов, чтобы действительно просто согреться, хотя это получалось уже слабо. надо срочно что-то придумать, но мне всё-таки придётся унижаться перед мажором если я хочу отсюда выйти. Пришла в голову одна идея...

Я подплыла к к лестнице снова.

— Архип...

— Что?

— Я очень замёрзла...

— Я знаю, — ответил он. — Но пока ты не извинишься, не выйдешь отсюда, дерзкая малышка. За свой длинный язычок, особенно в мою сторону, надо платить.

— Хорошо, — вздохнула я. — Извини меня! Я не должна была тебя посылать!

Говорила эти слова чисто механически, не испытывая и грамма раскаяния. Но ему это вряд ли было нужно. Ветров наслаждался моим унижением.

— Уже лучше, — ухмыльнулся он. И снова не дал мне выйти из воды.

— Ну что? Я же извинилась!

— Да, но я слишком долго ждал.

— Пожалуйста,пусти меня, — попросила я, чувствуя как наворачиваются слёзы на глаза. Какие же они все жесто-

кие! Нелюди...

— Поцелуй теперь тоже обязателен, — заявил Архип, снова подставляя мне свои губы. — Заставь меня извинить тебя вот так...

7.

АРХИП.

Вечеринка без Питерского обещала быть скучной. Я даже хотел отказаться и не идти туда. Но потом почему-то передумал, словно что-то свыше заставило меня туда всё-таки пойти.

Эта девчонка... Снегурочка.

Дерзкая, свежая как лилия, разговаривает, словно ровня мне, а не просто какая-то случайно попавшая на нашу пати бедная мышь.

Она придала этому вечеру совершенно другой вкус, бросила мне вызов и включила мой инстинкт охотника.

Нет, не чтобы её получить себе — я её впервые вижу, мне она не нужна и совершенно не интересна, хоть и отличается от всех здесь. Я хочу показать её место, хочу, чтобы склонила голову передо мной, а ещё лучше — влюбилась и тёрлась возле моих ног как собачонка. Такие как она на самом деле любят выкрутасы плохих мальчиков. Она точно влюбится!

— Ну что? Целуешь или плаваем ещё? — спросил я её, а сам уже представлял себе, какие её губы на вкус... Я бы хотел это узнать. Так, ради спортивного интереса, конечно.

Я разглядывал их: пухлые, нежные, только уже синеватые от холода. Надо её вытаскивать, а то я переиграю свою роль до переохлаждения дерзкой девчонки.

Нет, мне не жаль её. Мне плевать. Абсолютно. Но я не хочу проблем, которые могут возникнуть, если это соплячка заболит. Впрочем, кому эта беднота побегить жаловаться?

— Я... Хорошо, я поцелую.

— Вот так-то лучше.

Я придвинулся ближе, крепко ухватившись за поручень лестницы — а ну как эта дева находчивая решит меня утянуть за собой? Не уж!

Она подняла голову и почти приблизилась к моим губам. Мокрые пальцы девушки вцепились в ворот моей кожанки.

Чёрт, их так закололо от одного осознания, что сейчас Снегурочка меня поцелует...

Мне хотелось этого!

Ну же... Всего пара сантиметров, и я узнаю каковы твои губы на вкус...

Крис шумно втянула воздуха, разжала руки, плюхнулась в воду обратно и вдруг пошла ко дну...

Просто так, с открытыми глазами.

— Эй, куда? — позвал я её, словно она могла меня услышать.

Народ вокруг замер, не зная, что делать.

Я же как было просто сиганул в бассейн за ней. Она уже лежала на самом дне бассейна и не двигалась. С открытыми глазами. Явно без сознания...

Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Подхватил её на руки и поплыл с ней наверх. К бортам,

там положил её прямо на них.

Парни помогли выбраться мне из воды.

Она лежала перед нами, и все боялись подойти. Никто не знал, что делать.

— Скорую вызовите! — крикнул я. — Что стоите, придурки? Мой телефон промок. Одеяло принесите!

Я скинул с себя куртку и присел рядом с ней.

— Ей надо воду вывести...

— А кто умеет это делать? — спросил я.

— Я могу, — вышел парень из толпы. — Я в мед поступаю...

— Ладно, давай, — кивнул я. — Она точно наглоталась воды...

Парень склонился над ней и каким-то чудом просто выдавил из неё воду. Но девушка осталась неподвижной.

— Искусственное дыхание надо, — сказал тот же парень.

— Просто вдохнуть воздуха ей в рот? — спросил я, понимая, что это ему не дам делать. Не знаю почему. Сам.

— Да, зажми ей нос только.

Я сделал как он сказал, глубоко втянул воздуха и выдохнул ей в рот. И так несколько раз.

Она вздрогнула и резко вдохнула.

— Фух, пришла в себя, — выдохнул я. — Врача вызвали?

— Да Архип, едут, — ответила та, что пришла с Кристиной. Ольга, кажется. — Я вызвала.

Кристина сосредоточила взгляд на меня и тут же уползла

в сторону.

— Одеяло дайте.

Кто-то протянул мне плед, и я невзирая на вялое сопротивление девушки молча завернул её в плед, взял на руки и понёс в дом.

— Ань, разденьте её, — попросил я хозяйку дома, занося в одну из спален. — Дай ей какое-нибудь платье сухое, сухой плед и чай горячий... Сейчас врачи приедут посмотрят её.

— Не надо врача, — еле проговорила она, еле-еле цепляясь за меня тонкими пальцами.

Невольно глянул на неё на кровати, куда посадил, когда принёс в комнату: собралась в комок, мокрая, синяя... Беззащитная и маленькая. И больше не дерзкая... Совсем другие эмоции вызвала она... Захотелось согреть, попросить прощения. Но делать этого я, конечно же, не буду.

— Почему не надо? — спросил я. — Ты наглоталась воды.

— Мама будет меня ругать...

— Мама будет страдать гораздо больше, если с тобой что-то случится, — резонно заметил я. — Жди, врач скоро будет.

— Уйди, — нахохлилась она в мокром пледе. Кажется, стала приходить в себя. — Ты во всём виноват...

— Да уйду уже, — ответил я. — Ты, Снегурочка, сама до этого доболталась.

— Это не повод морозить людей в бассейне.

— Я тебя вообще-то спас, — хмыкнул я. — Могла бы и

спасибо сказать — когда ты потеряла сознание, за тобой нырлял я.

Она забегала глазами. Не ожидала? Думала, что я настолько козёл, что спокойно смотрел бы как она тонет?

Впрочем, принцем я тоже не являюсь.

Склонился над ней и поймал взгляд голубых глаз с белыми мокрыми ресницами.

— Скажешь врачам, что тебе ногу свело судорогой. И ты замёрзла и пошла ко дну. Поняла?

— А если я скажу, что меня топил ты?

— То пожалеешь об этом, — ответил я. — Меня отмажут. А вот ты...

— Уйди! — процедила она сквозь зубы.

— Смотри, Снегурочка... — покачал я головой и вышел за дверь.

Да нужна ты мне! Как собаке пятая нога... Только бы проблем из-за нее не возникло.

Врачи забрали Кристину с собой, в больницу...

Игра вышла из-под контроля и обернулась чем-то нехорошим...

8.

КРИСТИНА.

— Мам, я сегодня у Лёльки останусь, можно? — говорила я в трубку, стараясь, чтобы мой голос звучал твёрдо и весело, несмотря на оранжевые стены палаты районной больницы.

Врач после осмотра настоял, что я проведу тут ночь, и если всё будет в норме, то утром я смогу уехать домой. Слава богу, что это воскресенье, и в школу идти не надо. После таких приключений это было нелегко, да и опоздала бы я на занятия, после этого мама бы точно узнала о том, что я обманула её и пошла на эту вечеринку.

— Ой, делать вам нечего, что ли, девчонки? — спросила она. — У тебя есть свой дом, Кристина!

Мама не любит ночных посиделок у подружек и ночевок в их доме, но сегодня мне необходимо её убедить, что всё хорошо, и мне крайне необходима эта ночевка.

— Ма, ну перестань, — улыбнулась я, играя свою роль счастливой девчонки, которую кроме запрета ночевки у подружки больше ничего не заботит. — Ну ты сама ведь была девчонкой! Секретики там, разговоры... Завтра выходной, мы точно никуда не проспим. Ну что плохого?

— Ничего, конечно, — ответила мама. — Но я не понимаю этой необходимости — спать в постели у чужих людей.

— Мам, нам так захотелось. Ну пожалуйста!

— Ой, Кристиночка... Не знаю.

— Ну, ма-а-ам...

— Ладно, бог с вами, — сдалась она. — Только недолго там спите! К обеду чтобы дома была.

— Хорошо, мам! — выдохнула я. — Приеду к обеду.
На эту ночь я спасена.

— У нас вечером ужин с Володиёй. Будете знакомиться.

О боги! Только этого сейчас не хватает мне. Я ещё от молодого засранца-мажора не отошла, как мне уже предлагают познакомиться с мажором в возрасте... Но я, естественно, прикусила язык. Спорить с мамой сейчас неуместно да и бесполезно — если она решила выйти замуж, мне придётся знакомиться с “нашей новой семьёй”. Портить жизнь маме я не готова, а учиться в школе мне остался всего год. Потом можно поступить учиться в высшее заведение в другом городе и выбить себе общежитие. Год я как-то потерплю.

— Э-э... Хорошо, — отозвалась я.

— Не забудь только и никуда не увейся!

— Да-да, мам, я не забуду!

— Смотри мне, Кристина!

Да что сегодня эта фраза преследует меня?

— Смотрю мам, смотрю.

— Вы сейчас где? У Ольги дома?

— Да, — солгала я и прикусила нижнюю губу.

Ненавижу лгать, но сегодня выхода нет. Иначе мама устроит мне армагеддон и затаскает по врачам... И больше вообще никуда не отпустит из дома — только в школу.

— Тогда спать ложитесь! Полуночницы.

— Да, уже сейчас ляжем, не беспокойся, мам.

— Ну ладно... Легко сказать, не беспокойся... Спокойной ночи тогда!

— Спокойной ночи, мам.

Я первая повесила трубку, бросила телефон на матрасе и откинулась на подушку. Вздохнула.

Всё ещё чувствовала себя не лучшим образом. Мне уже успели поставить капельницу, укутали в одеяло и дали бутылку воды, и мне стало куда легче. Но всё же была большая вялость, спать хотелось жутко, и горло начало драть. Это всё последствия ледяного бассейна...

А все этот уродский мажор! Поиграть со мной решил, а я теперь болеть буду... Точно буду, вон как горло дерёт уже.

Какие же они все подонки! Я к ним больше на пушечный выстрел не подойду. Для них же жизнь и здоровье человека, если он не из их круга, а простой холоп, ничего не стоит! А я больше не хочу стать мишенью для жестоких игр жестоких детей богатых родителей, которые считают, что им всё позволено.

Лёлька... Не ожидала от неё такого. Сначала подставила меня перед этим наглым павлином. Может, он бы на меня

и внимания не обратил, если бы не слова Ольги о том, что я так мечтала с ним познакомиться. Потом пока я мёрзла в бассейне защищать меня не стала. Ей что — важнее этот недоносок? Архип? Или как там его? Надеюсь, это имя и его рожу я забуду раз и навсегда!

А Лёлька...

Бог ей судья, но подруга из неё оказалась никакая...

Вдвойне тяжело в такой ситуации остаться одной, преданной подругой, пока эти мажоры развлекались, гоняя меня по ледяному бассейну.

Она хотела поехать со мной, но я не позволила, отправила домой к родителям, чтобы не волновались и меньше народа знали о том, что случилось на этой вечеринке. Иначе это дойдет и до моей мамы.

Да и видеть её сейчас, если честно, мне просто не хотелось...

9.

Ночью мне стало хуже. Поднялась температура. Мне снова ставили капельницу, рано утром у меня взяли на анализ биоматериал, а к девяти утра пришёл врач.

— Ну что, дорогая, — говорил он поглядывая в мою карту. — Ни о какой выписке не может быть и речи сейчас.

— Почему?

— А ты сама не чувствуешь, что заболела? — спросил он. — Бледная, вялая... И кровь твоя уже готова, я попросил сделать быстрее. Воспаление пошло в организме.

— Как? — округлила я глаза. — Я останусь тут?

— Ну, если не хочешь, чтобы у тебя развилась пневмония — то да, лучше остаться здесь под наблюдением врачей.

Блин... Что же я скажу маме?

Чёртовы мажоры! Из-за них мне теперь тут валяться неизвестно сколько...

— А экзамены? У нас начинаются экзамены во вторник! — воскликнула я.

— Сдашь позже, — пожал плечами доктор. — Дадим справку, и тебе выделят день для сдачи. Ты же по уважительной причине не сможешь на них быть.

Я недовольно закусила нижнюю. Я ещё и экзамены пропущу, и всё из-за дурацких игр Архипа!

— Значит так: ты остаёшься, — сказал строго врач, за-

крывая мою карту. — Я не даю добро на выписку. Отказ написать может только твоя мама, потому что ты несовершеннолетняя. Но не советую этого делать, существует риск развития пневмонии.

— Как же я скажу об этом маме? — прикрыла я рот ладонью. — Она будет меня ругать...

— Ребёнок, — вздохнул врач. — Тебе уже семнадцать, а ты ещё ребёнок. Над тобой висит угроза такой серьёзной болезни, а ты думаешь о том, чтобы тебя мама не ругала.

Я стыдливо опустила ресницы. Да, думаю об этом. Свои болячки я как-то переживу, а вот новые запреты строгой мамы — это надолго, если не навсегда.

— Кстати, мы ей уже сообщили, — сказал мужчина в медицинском одеянии.

— Как? — всполошилась я. — Мама уже знает?

— И мама, и полиция, и хозяйева того дома, где проходила вечеринка.

Я так и осела обратно на кровати. Полиция? Всё принимает слишком серьёзные обороты...

— Зачем полиция? — спросила я.

— Мы обязаны сообщать, Кристина, — сказал доктор. — У тебя переохлаждение. Ты наглоталась воды. Не думаю, что ты по своей воле плавала в этом ледяном бассейне. Знаю я, как играют порой мажоры со своей жертвой. Привозили нам и совсем печальные исходы этих игр... Скоты. Они тебя топили, девочка?

Проницательные глаза врача уставились на меня.

— Нет, — замотала я головой. — Конечно, нет. Вы что...

Не топили. Просто не давали выйти из воды... Но это не топили же?

— Уверена? Ты провела в бассейне приличное время, в легких была вода. Это же насилие. Заявление на них бы написать. Они могли тебя угробить, девочка.

Страшно вдруг стало. А если бы они в самом деле меня утопили там? А если бы за мной никто нырять не стал, когда я потеряла от холода сознание в глубоком бассейне? А если бы я не потеряла сознание, он бы продолжил издеваться надо мной под гогот своих дружков? А Лёлька бы дальше молчала...

Я заболела даже за то время, что провела в холодной воде, а могла бы не потерять сознание, и тогда всё могло быть хуже. Всё это дошло до меня только сейчас.

Скоты... Врач верно сказал — именно скоты. Но я топить их не стану. Никаких заявлений я писать не стану тоже. И не потому что мне их жаль. Потому что этот засранец там главный, и точно какой-то папенькин сын. Сын депутата какого-то может быть... Он выйдет сухим из воды, а у нас с мамой могут возникнуть проблемы...

Он точно не оставит это без ответа.

— Может, всё-таки пригласить сюда следователя? — ещё раз уточнил врач. — Не стоит позволять так обращаться с собой. Что ты им сделала? Почему они так с тобой?

— Я не знаю... — покачала я головой. — Просто я им неровня.

— Понятно. Так что насчет следователя? Я могу пригласить прямо сюда, в больницу.

10.

— Нет, я ничего писать не буду, — твёрдо сказала я. — Никто меня не топил.

— Понимаю, — кивнул врач. — Тогда лечись. Отдыхай. — Спасибо.

Он оставил меня, я даже умудрилась уснуть — вялость в самом деле была жуткая. А проснулась под негромкий шум возле меня.

Открыла глаза и обнаружила маму, сидящую на краю кровати.

— Мам, — прохрипела я со сна севшим голосом. — Ты плачешь?

Она утирала глаза платочком.

— Кристиночка, — придвинулась она ближе и обняла меня, когда поняла, что я проснулась. — Милая...

— Ма, ну ты чего? — обняла я её в ответ.

— Воспаление лёгких очень серьёзное заболевание!

— Мне пока не поставили диагноз.

— После холодного бассейна вряд ли избежать болезни, — сказала мама, комкая платок в руках.

— Ты и это знаешь? — посмотрела я на неё.

— Знаю, — кивнула она. — Врач всё рассказал. Он считает, нужно написать заявление. Эта молодёжь вообще уже берегов не видит...

— Мам, — села я на кровати и посмотрела в её лицо. — Мы не будем писать никаких заявлений. Я прошу тебя в это не ввязываться.

— Почему? — возмущалась она. — Они будут так играть с такими простыми девчонками как ты, а мы будем молчать?

— Мамуль, он сын какого-то чиновника, чуть ли не сын мэра, — ответила я. — Он выйдет из воды сухим, а мы потом с тобой проблем не оберёмся.

— Ну должна же быть управа на них, в конце-то концов!

— Мам, всё не так страшно было, — убеждала я её. — Да, они со мной некрасиво поступили, но они не хотели плохого. Никто меня не топил, просто этот мальчик...

— Мальчик? — тут же зацепилась за информацию мама. — Значит, это какой-то мальчик затеял?

— Да, мы поссорились, и...

— И ты ему наговорила всякого, — договорила за меня она и подняла глаза на меня. — Ты у меня девочка с характером, резких слов наверняка могла наговорить.

— Да, мы с ним поругались. И он так... неудачно пошутил. Что пока я не извинюсь — не выйду из бассейна.

— Но ведь это насилие...

— Мам, для просто игра. Я уверена, что плохого никто не хотел. Просто я настырничала...

— Могла бы и извиниться, вот именно... Потом бы ушла оттуда и посылала всех подальше.

Да, мысль здравая. И я, пожалуй, спровоцировала Архипа сама. Знала, кто он, и что при друзьях он не позволит уронить его авторитет, и всё равно позволила себе резкие высказывания. Мама права — я бываю очень колкая и резкая, фыркаю и колюсь как ёжик. Мне стоит учиться сдерживать себя и иногда молчать ради своего же блага, не провоцировать тех, для кого моя жизнь не стоит и ломаного гроша. Но всё же это не оправдывает то, что Архип делал, а другие молча были соучастниками.

— Я не смогла, — ответила я ей честно. — Не смогла промолчать, мам... Он такой наглый был — жуть. Так и хотелось съездить по его ухмылке мусорным ведром!

— Слава богу, что ты это не додумалась сделать...

— Да не сделала бы...

Хотя...

— Мам, — взяла я её за руку. — Я поправлюсь, и мы будем об этой истории. Никто на самом деле не хотел плохого. Мы не будем ничего писать — у нас будут проблемы. Этот Архип с друзьями меня потом со свету сживет! Пожалуйста, мам! Прошу, давай ничего не будет писать.

Сама своим словам не верила. Я бы с удовольствием наблюдала, как будут песочить полиция и родители Ветрова за его выходку, но даже это шикарное зрелище, которого кровожадно требовала моя душа, не стоит тех сложностей, которые могут возникнуть в нашей жизни из-за отца этого мажора. И даже Володя ей не сможет помочь — судя по по-

ведению Ветрова, его отец имеет огромный вес в этом городе. Никому такие проблемы не нужны!

— Я не могу тебя заставить, — покачала головой мама. — Если тебе тяжело это всё вспоминать, давай не будем писать...

— В полиции скажи тогда, что мы не имеем претензий к Соломатиной Алёне — это дочка хозяев дома, в котором проходила эту дурацкая вечеринка. И к Архипу Ветрову — тоже. Ни к кому.

— Зачем они тебя позвали на эту вечеринку? Чтобы издеваться? Зачем ты туда пошла, глупая? Ну сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не связывалась с этими золотыми детьми...

— Но ведь дочь твоего жениха тоже золотой ребёнок. Мне всё-таки придётся общаться с такими детьми.

— Диночка прекрасная девочка, — ответила мама. — Она таким не занимается и по вечеринкам не ходит. У нее только хорошие друзья, она тебя с ними познакомит, и будете общаться.

Да, прекрасная перспектива. Аж перекосило от радости! А если среди её друзей окажутся такие как этот Архип? Далеко не всегда родители точно знают кем являются их дети, и эта Дина ещё легко может оказаться волком в овечьей шкурке. Судя по словам мамы отец Дины её муштрует и строит, так что она может, наученная опытом, просто кивать гривой

каждый раз, а сама делать совсем другое. Только тайно. Рада, если я ошибусь, но есть большой шанс, что я всё-таки угадала...

— Ужин сегодня отменяется, извини, — вспомнила я про маминого жениха. Всё-таки неловко что срывается ужин, хоть и не по моей вине.

— Да бог с ним, — обняла меня мама. — Потом поправишься и поужинаем. У нас впереди ещё много вечеров будет. Главное, чтобы с тобой всё в порядке было.

— Я боялась, что ты будешь ругаться...

— Да ты что, я так испугалась! — прижала она меня к себе, и я положила его голову на колени словно доверчивый котёнок, свернувшись калачиком. — Поправляйся, девочка моя...

— А экзамены? — спросила я в полудрёме. Мамины руки в моих волосах меня убаюкали.

— Сдашь потом, не переживай, — ответила она, мягко проводя пальцами по моим локонам. — Я схожу в школу и договорюсь с учителями. Всё будет хорошо.

— Спасибо, мам...

— Кстати, ты тоже больше ни по каким вечеринкам ходить не будешь, — посмотрела она мне в лицо. — Я думаю, ты понимаешь почему.

— Да, понимаю...

— И подружку твою я больше видеть не хочу, — добавила она. — Я знаю, что это она тебя туда потянула. Она всегда

любила такие тусовки, а тебе они никогда нужны не были. Ты поняла?

— Поняла, — ответила я.

Я и сама больше не горела общаться с Лёлькой... Предательница.

Она звонила и писала мне, но я ей нигде не отвечала.

11.

АРХИП.

После того как девчонку увезла скорая, ни о каком веселье уже речи не шло. Все разбрелись по углам и стали собираться домой. Я тоже вызвал такси, и перед тем как ехать, нашёл подружку Снегурочки.

— Э... Оля, если правильно помню? — спросил я, доставая телефон.

— Да, — расплылась она в улыбке, словно не её подругу только что врачи увезли. Мерзкая особа... Хотя я в данном случае не лучше — по моей вине девчонка в больницу угодила.

— Дай мне номер Кристины, — попросил я, приготовившись вбивать цифры в записную книжку смартфона.

— А я не помню наизусть, — заявила она. — Запиши мой.

— Посмотри в смартфоне, — кивнул я головой на телефон в её руках.

— Разряжен. Выключился, — поджала она губы, явно недовольная, что я прошу номер подруги, а не её. И скорее всего, врёт.

— Ладно, диктуй свой, — согласился я и быстро записал цифры. Подписал “Мерзкая Оля”. — А когда зарядишь телефон — напишешь мне номер Кристины. Хорошо?

— Да, хорошо, — ответила она.

Я огляделся вокруг. Кто ещё мог бы знать Крис? Кроме Ольги никто, она тут явно всем чужая. Ладно, буду надеяться, что её подруга скажет хотя бы где подруга.

Я скупно попрощался со всеми и уехал.

Такси несло меня в сторону дома, я смотрел на огни города и думал.

Нужно будет обязательно дозвониться, узнать где она. Может, ей лечение какое нужно, лекарства там...

Глупый был поступок. Эгоистичный.

Извиниться надо перед Снежинкой... Терпеть не могу просить прощения, и очень редко это делаю, но... Сегодня реально всё вышло по-уродски. Моя игра слишком далеко зашла. Сам испугался, когда увидел как она идет на дно, а потом бледная лежит на моих руках без признаков жизни... Нахлебалась воды с хлоркой, да и простынет наверняка. Почему-то я не задумывался над этим пока глумился над ней в бассейне. Такая она дерзкая, что хотелось любой ценой поставить её на место.

Она меня послала при друзьях! Такое я никому не прощаю.

Но всё-таки я виноват. Надо было придумать иное наказание для непослушной девчонки, а теперь всё вышло из-под контроля и теперь неизвестно чем кончится. Ещё Динка если узнает весь мозг мне выключет... Ревнует к каждому

столбу, будет ревновать и плакать даже если я кого-то слегка утопил, и это явно не от симпатии...

Вздыхнул. Надеюсь это всё не выйдет за пределы этого дома и я смогу уладить всё до того как на меня обрушат свой праведный гнев родители.

Уснуть долго не получалось. Ворочался сбоку на бок. Питерский что-то писал, я даже не читал.

Развернул сообщения.

“Как пати? Ты все ещё там?”

Как-как... Каком кверху пати... Не знаю даже что писать ему.

“Нет, домой уехал. Настроения не было тусить”, — ответил я ему.

“Так тухло всё было?”

“Да так себе”.

Стыдно признаться, в чём причина моего плохого настроения.

“Слушай, давай завтра уже поговорим, я спать”.

“Ладно, дрыхай”.

Я закрыл диалог с другом и выбрал новый. Выбрал номер Ольги.

“Номер Кристины”, — написал я ей.

“А где же добрый вечер? Чего не спишь, Архип?” — пришёл ответ.

Я так и закатил глаза. Вот рыба-прилипала... Натравить, что ли, на неё Динку — та ей все космы повыдернет! С ней

шутки плохи, я даже и не пытаюсь мутить с кем-то на стороне — загрызёт, а отец будет настаивать, чтобы мы всё равно помирились с ней обратно, потому что это же очень выгодный брак! Мне в принципе было пофиг, я привык к мысли что Динку готовят мне в жёны, но её ревность порой бесила.

“Номер Кристины напиши”, — ответил я ей.

Неужели не ясно, что сама Ольга мне совершенно неинтересна?

Да мне и Крис не особо интересна, если бы не одно но... Я с ней дико накосячил.

Спустя пару минут Ольга всё-таки разродилась и прислала мне цифры.

Я вбил их в книжку с подписью “Снежинка”. Открыл диалог с ней и вдруг застыл.

Растерялся.

Что писать?

Навряд ли мне она будет рада. А не писать — поступить совсем по-свински. Словно я её топил, а теперь мне всё равно что с ней после этого стало. А мне не всё равно... Совесть так и грызла.

“Привет. Это Архип. Как ты себя чувствуешь? Тебе нужна помощь?” — наконец решился набрать я текст и отправить сообщение контакту Снежинка.

Но мне никто не ответил...

Ладно. Попробую узнать завтра через Ольгу в какой она

больнице и съезжу туда сам.

Гордячка...

Кое-как этой ночью я уснул, а проснулся от громко хлопнувшей двери и громкого голоса отца.

— Вставай, Архип. Немедленно!

Шторы открыли и мне в лицо засветило солнце. Я зажмурился. Следом с меня стянули одеяло.

— Я сказал, вставай.

— А? — еле продрал я глаза и сел на кровати. — Что случилось?

— Звонили из полиции, — ответил отец, останавливаясь напротив меня. — Ты у нас теперь решил стать преступником? Кого ты там топил? Говори правду.

12.

Я недовольно поджал губы, внутри поднималось раздражение.

Мля-я-я... Она что — настучала уже? Коза!

— Я долго буду ждать ответа? Мне ехать пора на работу.

— Она написала заявление? — ответил я.

— Пока нет, но может. Сообщили врачи в ментовку. Так кого ты топил?!

— Пап, я никого не топил!

— Да правда, что ли? — нахмурился он. — А почему тогда тебя в этом обвиняют?

— Мы... Просто неудачно пошутили, — нехотя начал рассказывать я. Что ж, видимо, возмездие настигло меня раньше чем я мог себе представить, и теперь мне предстоит ответить за содеянное.

— Пошутили?! — возмутился отец. — Как мне понять такие шутки? Объяснитесь, Архип Олегович, будьте добры!

— Короче... — сел я на кровати.

— Без “короче”! Говори нормально, — гавкнул отец.

я с опаской глянул на него. Он редко так орёт на меня. Значит, он очень зол. Обычно папа соблюдает рамки приличий абсолютно со всеми словно аристократ. Значит, я попал сурово. И всё из-за этой белобрысой швабры, чёрт бы её побрал!

— В общем, мы хотели пошутить...

— Мы? Или ты?

— Я, — сознался я. — Хотел пошутить. Девушка мне хамила, я ее хотел проучить. Хотел, чтобы она извинилась за свои слова, и только после этого вышла бы из бассейна.

— Ты... — выпучил глаза папа. — Ты ополоумел, сын?!

— Пап, ну шутка же...

По затылку тут же прилетела весомая затрещина...

Я поднял взгляд на него. А вот ударил меня отец впервые за долгое время.

— Засрнец! — сказал он сквозь зубы. — Ты мне всю репутацию изгадишь! Шутки он шутит, что аж с полиции звонят и говорят, что наш сынок — преступник!

— А тебе репутация только важна? Больше ничего не волнует? — огрызнулся я.

— Ещё поболтай мне! — рыкнул отец. — Она и для тебя важна — ты на эти бабки живешь! Меня лишат поста за твои делишки! Посмотрим, что тогда ты запоёшь!

— Мне не нужны твои деньги! — вскочил я на ноги. — Засунь их себе знаешь куда? Лучше бы у меня отец был, чем эти деньги вшивые... Никого они счастливыми не сделали, только тебя!

— Да что ты понимаешь в жизни, щенок? Где бы вы были с мамой, если бы не я и эти деньги?

— Мама тоже плачет по ночам, — ответил я. — Я всё видел. Она тебя рядом хочет видеть. А ты пропадаешь на

работе, и любовниц заводишь. Все уже знают.

— Это не твоё дело, — процедил он, смотря на меня волком. Задел за живое...

— Очень даже моё! — заявил я. — Вы — моя семья. Мама у меня одна. Ты мне диктуешь условия, а у самого рыльце в пушку.

Отец какое-то время смотрел на меня и явно боролся с эмоциями. Выгнать меня он не сможет — пока я не закончил школу, я не могу жить один. Но, конечно, органы попечительства его не волнуют, а скандал, который может разразиться на этом фоне — очень даже волнует. И я не уйду — меня всё равно вернут его псы. Бесполезно, нужно ждать окончания школы.

— Значит, так, — сложил отец руки вместе. — Я тебя наказываю. Денег ты лишаешься. Полностью. Обеды в школе мы оплачиваем сами, в школу будешь ездить на автобусе от гимназии — на бензин тебе больше никто не даст.

— Да и не надо мне твоих денег, раз ты меня им попрекаешь, — ответил я.

Найду подработку, мне уже исполнилось восемнадцать. Уж на бензин как-то заработаю.

— Только попробуй завалить экзамены, — продолжил отец. — Ты пойдешь учиться дальше, куда я тебе скажу.

Я промолчал. Проще сделать по-своему, чем спорить с ним. Когда я получу аттестат и съеду от родителей, то спра-

шивать о том, где мне учиться, не стану.

— Архип, — посмотрел строго на меня отец. — Мне Пётр Сергеевич, отец Романа, говорил об одном интернате для сложных детей. Это почти тюрьма.

Теперь на отца изумлённо уставился уже я.

Чего?

Он что — решил меня сдать в интернат?!

— Если ты продолжишь вести себя подобным образом — я оформлю тебя туда.

— Я сбегу оттуда.

— Ты не сможешь, — резонно заметил отец.

К сожалению, его люди меня везде найдут. И вернут как сопливого пацана обратно.

— Зачем ты так? — обратился к нему. — Я не убил никого... Ну заболела она, поправится. Все живы. А я... всё и так понял. Больше таких шуток от меня не будет.

— Я очень надеюсь, что ты понял, — сверлил меня взглядом отец. — Но условия содержания в данном учреждении я уточню и место тебе забронирую. Пока только бронь. Ты меня услышал, Архип?

— Услышал, — угрюмо отозвался я.

В интернат, который как тюрьма, мне попасть совершенно не улыбалось. И то, что мне уже есть восемнадцать, роли не играет — папочка запихнёт меня даже в детский лагерь, что уж говорить об исправительных учреждениях... Его деньги

и влияние решает абсолютно всё, открывает любые двери.

Попадать тебе нельзя вдвойне, и палиться перед отцом. Хотя я, в общем-то, больше ничего подобного делать и планировал... Хватит уже, и так теперь проблем не оберешься...

— Работать мне можно пойти? — решил спросить я на берегу, пока отец не посчитал мою подработку достаточным поводом для определения меня уже по-настоящему в этот адский интернат. Я о таких читал — ничего хорошего... — На бензин заработать. На мороженое девушкам.

— Можно, почему нет? — поднял брови отец. — Хотя узнаешь цену денег и как их зарабатывают. Только это не должно мешать занятиям и отражаться на оценках. Понятно?

— Да.

— Есть уже варианты?

— Бармен в ресторане. Он работает до двенадцати ночи. Я успею выспаться до занятий. Всё равно раньше не ложусь. Там график попрошу несколько дней в неделю. Ты не против?

— Да а на что ты ещё сгодишься пока? — оглядел меня отец с ног до головы. — Оболдуй пока что. — Не полы же тебе мыть... Только сфера обслуживания. Что ж, попробуй. Попрыгай немного перед другими. Может уму-разуму научишься.

— Договорились, — кивнул я. — Я учту все твои поже-

лания.

— И ещё, — снова посмотрел на меня отец. — Перед девочкой надо извиниться.

— Я сам хотел извиниться перед ней, — опустил я голову. Стыдно перед отцом. — Но я не смог узнать куда её определили.

— Я сам всё узнал уже, — сказал отец, протягивая мне стикер с адресом. — Сделай так, чтобы она заявление и не писала. Это вдарит по всем нам... Ну а тебе — светит интернат.

13.

Пришлось собираться и в часы посещений ехать в больницу, куда угодила Кристина. Извиняться очень не хотелось, да и представляю, как сильно она мне будет “рада” после всего, что случилось, но деваться некуда — сделать это в самом деле необходимо, а за свои поступки я привык отвечать.

Пока бензина в тачке хватало, и я поехал на ней.

Рулил и думал всё о девчонке, о том, что случилось тем вечером, об интернате... Такой расклад мне совсем не нравится. Надо как-то донести ей, что я козёл, но такой козёл, который всё понял, сильно извиняется и обещает, что больше так не будет...

— Бред какой-то, — озвучил я свои мысли, сворачивая к книжному магазину.

Как-то идти с пустыми руками неприлично, есть ей много нельзя сейчас, наверное, да и не знаю я, что она любит, а время коротать наверняка скучно. Решил ей купить почитать что-нибудь. Надеюсь, она умеет...

Выбрал пару книг, на случай, если одна из них совсем не угодит, оплатил, положил их в фирменный пакет и отправился в другой магазин: купил для Кристины симпатичную чашку, ложку, пачку хорошего тростникового сахара и один из своих любимых чаёв — пирамидки с запахом шоколада. Под такой чай читать книги довольно прикольно.

Когда покупки были сделаны и лежали на переднем сиденье авто, я направился уже в больницу.

Машину пришлось оставить на парковке и идти до приёмного покоя пешком.

С пакетом для Кристины я подошёл к стойке с администратором.

— Здравствуйте, — сказал я. — Как мне увидеть Кристину Калистратову? Вот данные.

— Здравствуйте, — отозвалась девушка и забрала из моих рук стикер с информацией о Кристине. Затем она подняла снова глаза и окинула меня взглядом с головы до ног. Оценивающим. Наверное, считала в уме, сколько может стоить моя куртка и белые кроссы. — Вам нужно пройти на третий этаж, палата триста семь. Только наденьте бахилы. Чистые есть в боксе на входе.

— Хорошо, спасибо, — ответил я и вернулся ко входу, чтобы взять пару бахил, которые затем натянул на кроссовки.

Поднялся на третий этаж и нашёл нужную палату. Замер у двери, не решаясь постучаться. Она меня сразу пошлёт, интересно, или ещё ведро мусорное на голову наденет?

Да и мне её видеть радости нет никакой — из-за неё столько всего свалилось мне на голову. Лучше бы она вообще не появлялась на этой вечеринке чёртовой... Принесла ведь не лёгкая. А ещё эта белобрысая коза мне не ответила на смс. Вообще офигела... В кои-то веки сам пишу девчонке, а она

со мной в динамо играет...

Ну ладно, что тут — до ночи стоять? Надо идти, стелиться перед ней. Иначе отец меня разнесёт в пух и прах.

— Да, — услышал я с той стороны двери, когда всё-таки постучал.

Я получил разрешение и вошёл в палату.

Крис так и замерла с телефоном в руках. Я остановился на пороге, и наши глаза встретились. Да, радости в её взгляде не было вообще, что неудивительно. Сначала она смотрела ошарашенно, широко распахнув голубые глаза в обрамлении светлых длинных ресниц, потом недовольно поджала губы и опустила глаза на свои руки.

— Привет, — сказал я единственное логичное, что можно было сказать в этой ситуации.

И она промолчала.

Коза. Бесит. Неужели так сложно ответить на приветствие или я не заслуживаю даже этого? Или может, её не учили, что из вежливости стоит отвечать, раз уж с тобой поздоровались?

— Слушай, я... — заговорил тогда я сам. Мне всё равно надо как-то это всё решать, даже если она всё время решила играть в молчанку. Надеюсь, что она только немая, а не глухая к тому же, и слышит меня. — Я понимаю, что ты меня не очень рада видеть, и всё такое... Но я хотел извиниться.

Она снова уставилась на меня голубыми глазищами. С недоверием. Ещё бы, я бы такому как я тоже не доверял по-

сле бассейна...

— Я был не прав. Извини. Я не хотел, чтобы все кончилось вот так, и чтобы кто-то болел по моей вине.

— Как ты узнал где я лежу? — спросила она после паузы. Снова изучала меня на предмет искренности слов. Ну, они искренние. Я на самом деле жалею о своём поступке. Он был всё-таки максимально скотский.

— Мой отец — депутат, — решил не лгать я. Заодно и достать из рукава козырь, раз к слову пришлось. Пусть знает, с кем связывается. — Он кого хочешь найдёт и из-под земли досе нароем на любого.

— А, понятно, — отозвалась она. — Так это папочка тебя пригнал сюда?

Теперь на неё уставился я. Откуда она знает? У меня это на лбу написано, что ли?

— С чего ты взяла, что отец тут участвовал? — пожал я плечами, словно бы равнодушно. — Я в самом деле сожалею о своём поступке.

— Я в курсе, что врачи сообщили в полицию, — сказал Снегурочка. — Те наверняка дозвонились твоему отцу, а то уже прищемил хвост тебе. Потому что — репутация и всё такое.

Я поджал губы, еле сдерживаясь, чтобы не наговорить лишнего и не усугубить своё положение.

Коза!

А главное, ведь угадала. Точнее, сделала логичные выво-

ды. С мозгами у этой мелкой засранки всё в полном порядке.

— Слушай, это неважно, — снова посмотрел я на неё, когда смог немного успокоиться и взять себя в руки. — Главное, что я действительно считаю, что мой поступок был гадким, и просто прошу меня простить.

— Ну, на самом деле, чтобы попросить прощения — нужны смелость и характер, — заметила она, поглядывая на меня искоса. — Хорошо, я не буду держать на тебя зла. Всё?

Выгоняет меня? Можно подумать, мне прямо очень хочется тут с ней находиться и ползать возле её ног! Но я ещё не закончил.

— Тебе нужна помощь? Лекарства, например? — спросил я, проигнорировал её вопрос.

— Нет, мне ничего не нужно, — ответила она. — Спасибо. Мы справимся сами.

— Может, палату оплатить тебе? В отдельной будешь, с телеком. Я могу попросить отца, он оплатит.

Пока Кристина была в палате одна — ещё две кровати пустовали, но как часто в таких заведениях бывает, очень скоро у неё появятся соседки, и не факт, что такая компания будет приятной.

— Ничего не нужно мне от вашей семейки, — отрезала она и отвернулась к окну. — Я спать хочу.

Ладно, я понял. Второй раз уже гонит, что тут тогда с ней пытаться размазывать слова.

— Ты, пожалуйста, заявление не пиши на меня, ладно? — попросил я, испытывая просто дикое чувство унижения. Почему от этой мерзкой девчонки вдруг стало зависеть моё будущее? Одна ситуация, одна неудачная шутка одним вечером может стоит мне очень-очень дорого, так дорого, что вовек не расплатиться.

Кристина снова посмотрела на меня. О чём-то подумала, потом ответила:

— Я не буду ничего писать.

— Спасибо, — выдохнул я. Интернат мне больше не грозит.

— Мне не нужны проблемы с таким, как ты и твой папочка, — добавила она.

— Какие? — изогнул бровь я и сосредоточил взгляд на её лице. Такая красивая, а такая стерва...

— Те самые, что проблемы могут мне устроить. Ты выйдешь сухим из воды, потому что папин сынок, а мы потом проблем не оберемся. Так что можешь не бояться — я ничего писать в полицию не стану. Просто исчезни из моей жизни, ок`ей?

— Ок`ей, — передразнил я её, оставил пакет у двери и вышел.

Я тоже искренне надеюсь, что тебя, белобрысая коза, больше никогда не увижу.

Не кашляй, и чаем моим не подавись! Если, конечно, она его вообще не выкинет...

14.

КРИСТИНА.

Он ушел, и я заметила пакет, который он не забрал с собой.

Он его мне принес, что ли?

Закусила нижнюю губу от разобравшего меня любопытства.

Встала и пошла к двери. Подхватила пакет и пошла обратно к кровати — долго ходить у меня пока не получается, температура всё ещё поднимается, общее состояние оставляет желать лучшего: и сильная слабость, и голова кружится.

Тяжелый какой... Чего он такого принёс?

Залезла на кровать с ногами и открыла пакет. Заглянула внутрь.

Две книги, явно новые, кружка, ложка, сахар и чай.

— Хм... — рассматривала я презенты. — Чай с запахом шоколада... Интересно.

Кружка тоже оказалась довольно милой. Я поставила её, сахар и чай на тумбочку у кровати. Попробовать хочется, чая у меня тут нет... Мама привезла вещи, а вот про кружку и чай я и забыла. Архип словно знал, чего мне не хватает на моём вынужденном отдыхе...

Взяла в руки одну из книг и стала изучать её.

Новенькая, переплёт так и хрустнул в моих руках.

Закрыла глаза и втянула полными легкими этот аромат...

О, этот божественный запах свежей бумаги и новой книги... Его ни с чем не сравнить и не спутать. Один из лучших запахов мира.

Это прям особенно удовольствие купить новую книгу в магазине, принести домой, раскрыть и как понюхать!

М-м...

Улёт просто!

Повертела одну из них, почитала аннотацию. Что-то про вампиров в современном мире... Не особенно такое люблю, но почитаю, пожалуй. Когда голова не будет так трещать...

Вторая книга оказалась легким романом с юмором о подростках.

— Мама, я мальчика люблю, — прочла вслух я название.
— С чего он взял, что мне именно это понравится?

Впрочем, этот роман я тоже решила почитать на досуге.

Отложила книги в сторону и пошла за кипятком в коридоре, где стоял один на всех электрический чайник.

— Эй, куда это мы гуляем? — тут же нарисовалась возле меня медсестра. — Тебе нужно лежать.

— Я чая хочу, — сказала я, остановившись с кружкой в руках.

— Я налью, — протянула руку к кружке сестра. — А то ты, не дай бог, ещё упадёшь с кипятком. Иди, сейчас принесу.

Я пошла в палату обратно. Ходить после такой темпера-

туры и впрямь сложно, как бы я ещё шла с кружкой кипятка — не знаю.

Едва я заняла место на своей кровати, полусидя на подушке, как вернулась медсестра с моей кружкой.

— Где у тебя чай? — спросила она. — Вот этот, на тумбочке?

— Ага, — ответила я.

Она раскрыла упаковку, вынула один пакетик в виде пирамидки и опустила её в кипяток.

— Сахар положить?

— Да, пожалуйста. Два кусочка.

— Сладёна? — улыбнулась сестра, бросила в кружку пару кусочков коричневого рафинада и заботливо размешала сахар ложечкой.

— Да, — улыбнулась я в ответ. — Горький чай не перевариваю.

— Я тоже, — сказала она и потянула носом. — Хотя вот этот можно, наверное, и без сахара. Слушай, так пахнет вкусно. Шоколадкой. Ну-ка что за марка такая?

Медсестра с именем “Юлия Александровна” на бейдже поставила кружку на тумбочке возле меня, а сама взяла в руки пачку с чаем.

— Интересный какой, — сказала она. — Я таких марок в магазине не видела. Дорогой, наверное. Парень принёс, что ли?

Разве? Ну я вроде тоже такой не встречала на полках

обычных супермаркетов, но подумала, что могла просто не замечать его. Мы с мамой обычно брали более массовые и недорогие марки чая. Но выходит, Архип покупал его для меня в каком-то специализированном магазине? Для меня лично? Зачем?

Неужели его так гложет чувство вины или это папочка постарался? Заодно продемонстрировал свой достаток...

— Ну да, — пожала я плечами. — Знакомый.

— Понятно, — посмотрела на меня Юлия. — Парень к тебе явно не равнодушен и не считает тебя простой знакомой, раз такие подарки носит. Книжки сейчас тоже недешевое удовольствие. Ой-ёй, тысячу триста за одну книгу.

Она поставила чай на место, затем взяла одну из книг и перевернула — на обороте была приклеена наклейка с ценой. Ну да, не дешёвая... Сейчас книги удовольствие в принципе не дешёвое.

— У-у... И вторая не меньше... — медсестра хитроглянула на меня. — Женихается точно он к тебе!

Вот ведь сплетница. Я даже смутилась и покраснела.

Нет уж, только не Архип ко мне будет “женихаться”. Впрочем, спасибо ему всё же стоит сказать. Меня так мама воспитала — на добро надо ответить добром.

— Да нет, просто знакомый, — ответила я. — Спасибо вам за помощь.

— Да всегда пожалуйста. Как спадет температура можешь и сама ходить чай наливать, а пока мне говори лучше, или

тому, кто на посту будет. Хорошо?

— Хорошо.

— Кстати, к тебе соседку скоро приведут, — заметила сестра перед самым выходом из палаты. — Так что если скучала — не долго страдать осталось!

И она, посмеиваясь, вышла из палаты.

Я же вздохнула. Одной, конечно, спокойнее мне, но я же прекрасно понимаю, что я здесь не на курорте...

Протянула руку и взяла кружку с чаем. Сначала принялась — в самом деле, запах очень приятный. Отпила немного чая и прислушалась к его вкусу. И на вкус ничего, не как обычно: пахнет здорово, а на вкус словно самый дешевый некачественный чай. Этот не подкачал по всем пунктам.

Взгляд снова упал на книги, подаренные мне Ветровым. Я стянула с тумбочки свой телефон и зашла в меню сообщений.

Открыла ту смс, которую получила ещё вчера, но отвечать не стала.

“Спасибо за книги и чай. Кристина” — набрала я и отправила на тот номер, с которого приходила ранее смс-сообщение от Архипа.

15.

АРХИП.

— Как думаешь, десять футболок мне хватит? — спросил я, разглядывая ровные стопки на кровати.

Пришло время собирать чемодан. Летний лагерь остался в силе, и уже завтра мы выдвигаемся в путь. Вечер перед отъездом мы с Питерским решили провести вместе за сбором вещей. Точнее, я их собирал, а Ромыч наблюдал за качеством моей работы.

— Десять? — поднял он брови, раскачиваясь в моём навороченном компьютерном кресле. — Хочешь перещеголять девчонок нарядами?

— А что? — пожал я плечами. — Это далеко не все... У меня их штук пятьдесят. А едем мы надолго.

— Ну да, всю неделю можно разные надевать, и ещё три дня. А со следующей уже никто их не вспомнит, — ржал он. — Ты всё-таки хочешь быть модником даже среди девчонок!

— Каких девчонок? — постучал я кулаком по голове себе. — Динка и мне оторвет и узлом завяжет что-нибудь, и безвинные девчонки без глаз останутся.

— Ну, посмотреть-то им можно, — заявил Питерский. — Глаза-то у людей есть.

— Лучше не злить её... — покачал я головой, укладывая футболки на дно чемодана. — Мало того, что она вынесет

мозг мне, потом отцу, а её отец — моему, а мой вынесет мне. В общем, не стоит...

— Сложно всё у вас... — вздохнул Роман.

— Ну, как уж вышло.

— Хорошо, что я свободный от этих всех...”любовей”.

Никто мне мозги не насилует...

Я искоса глянул на него, но промолчал.

Роман тоже мне кое-что не договаривает. Но это его личное дело, и я, в общем-то не лезу, но ведь не слепой же. Как сказал ранее сам Ромыч — “Глаза-то у людей есть.”

Про “свободный от “любовей” Питер сейчас заливает...

Я прекрасно вижу, как он сохнет по нашей однокласснице-заучке, рыжей Катке Романовой. Но безответно. Рыжая его боится и ненавидит, и над этим он сам постарался. В данном случае, ему мозг никто не насилует — то правда. В роли насильника мозга Рыжей он сам...

Пару раз я пытался намекнуть ему, что может, стоит как-то поласковее с девчонкой-то. Цветочки там, киношка, мороженко... Но в ответ на меня всегда рычали. Проблема Романа явно не в том, что по части любовных дел он полный валенок, но гораздо глубже. Наверное, он считал, что девчонка, которая попала в нашу школу по гранту год назад и родилась в небогатой семье, воспитывалась одной бабушкой в возрасте, недостойна находиться рядом с нами. Ну, тут он не прав — но не мне его учить не быть снобом. Со мной он себя всегда вёл нормально, а вот к людям не его круга отно-

сится высокомерно. Но раз уж мы друзья, я принимаю его таким, какой он есть. Наверняка и в моей голове полно таракашек, которых понять Роману тоже нелегко.

Впрочем, я тоже далеко не все рассказываю. О моих проблемах с отцом Роман не знает всего... Для посторонних у нас идеальные отношения.

— Подрастёшь — узнаешь, — подколот я его.

— Ой, мля... — закатил глаза Питерский. — Взрослый, блин...

— Ну у меня, типа, невеста есть уже, — хохотнул я. — Конечно, взрослый.

— Которой шестнадцать лет?

— Ну, когда-то будет больше.

— Она тебе реально нравится хоть? — спросил он вдруг и взгляделся в моё лицо.

Я даже замер над чемоданом от его вопроса. Мы дружим давно, но всё же делимся не всем... И такие личные вопросы задаем друг другу редко. Но почему сейчас его такой простой вопрос ввёл в ступор?

— Ну да, нравится, — ответил я. — А что?

— И ты хочешь жениться через два года? Тебе только двадцать будет.

— Да я как-то к этой мысли привык, ты знаешь... Не вижу тут ничего криминального. Динка отличная подруга на самом деле. А там видно будет. Кто знает, что может случиться в течение этих двух лет? Я не отказывался. Но не согла-

шался.

— А есть разница?

— Колоссальная, — ответил я. — Я ведь нигде свои подписи пока не ставил. А о моих коротких курортных романах ей знать необязательно... И ты не говори.

Я строго глянул на него.

Да, я не идеал морали, и иногда мучу с другими девчонками. Что жизнь не казалась такой пресной. Это только Ромыч бережёт себя для рыжей принцессы, и другие его просто не интересуют.

— Да когда это я был треплом? — возмутился Питер.

— Никогда, — сказал я. — Но на всякий случай — если тебе дороги мои яй... Ну, короче, если тебе ещё нужен твой друг — не вплетает Динку в мои...небольшие грешки.

— Я и не собирался, — фыркнул тот. — Меня больше волнует, что у нас группа без репетиций останется, чем твоя насыщенная личная жизнь и гарем султана. У нас осенью фест, помнишь? Продуем же.

— Да, репетиции пока не получатся, — вздохнул я. — Но ведь у меня не основная партия, так что пока без меня потренируйтесь без меня. А я, кстати, беру с собой гитару. Скинете мне текст песни, ноты, я потренируюсь сам.

— Ну, как вариант, — задумался Роман. — Тем более что вариантов других всё равно нет. На безрыбье и рак — рыба.

— Ну, тогда пришлёте мне на почту инфу. Интернет и телефон у меня никто не отнимает.

— Слава богу!

Кстати, о нём

м. Надо бы поставить на зарядку смартфон. Пошарился по карманам, и нашёл свой телефон в одном из них.

— Собака, сел... — пробормотал я себе под нос в поисках зарядного устройства.

— А я вообще не понимаю, для чего тебе телефон, — сказал Ромка, и я непонимающе уставился на него. — Ты ж никогда не смотришь ни звонки, ни уровень зарядки не проверяешь. Скоро, чтобы до тебя достучаться, придётся пользоваться голубиной почтой.

— Ну, прям уж... — сказал я, подсоединяя аппарат к сети. — Не долетит. Его сожрут бомжи на подходе к посёлку.

— Тогда проверяй почту сам, и заряжай телефон.

— Постараюсь... — задумчиво ответил я, разглядывая полученное смс на включенном телефоне.

“Спасибо за книги и чай. Кристина”

Кристина? Ну, да, и подписан контакт “Снежинка”.

Значит, её подружка мне всё-таки верный номер дал. Просто эта белобрысая коза не захотела мне отвечать. Теперь же я не мог выбрать между тем, чтобы теперь продинамить козу и тем, чтобы ответить. Второе всё же пересилило.

“Я думал, ты всё выкинешь” — написал и отправил я ей.

— Э-э... Что ты сказал? — повернулся я к Ромке. Поймал себя на мысли, что совсем не слушал болтовню друга. Я думал о коротком послании Кристины. И ждал ответа...

— Ты в каких облаках витаешь? — спросил он и неожиданно выхватил мой телефон из рук. И прочёл вслух. — Нет, ведь чай и книги не виноваты, что ты придурок.

И заржал как конь, а я забрал свой смартфон обратно.

— Дай сюда!

— Это кто тебя так? — продолжал веселиться Питерский. — Мне уже она нравится. Не похожа что-то на твою подружку. Они обычно тебе такое не пишут.

— Это и не подружка, — хмуро отозвался я. Питерскому я так и не рассказал до сих пор об этой истории.

— А кто?

— Неважно.

— Она смеет звать тебя придурком! Конечно, важно. Хочу познакомиться с ней!

— Да не знаю я её, — отмахнулся я. — Так, пересеклись по одному делу. Но, видимо, на этом всё.

Я без сожаления удалил историю переписки, заблокировал экран смартфона и бросил его на кровати.

— Пошла она сама...

16.

— Так кто такая эта “Снежинка”? — упорствовал Питер.

— Слушай, отстань, а? — аж нервно бросил я кроссовки в чемодане. А хотел аккуратно положить. Всё Питер со своей Снежинкой виноваты! — Ну будь ты уже человеком, а?

— Не-а, — помотал лохматой головой Рома. — Мне ж интересно. Всё в этой истории максимально странно. Почему она подписана у тебя “Снежинка”, но при этом вы так общаетесь?

— Как?

— На ножах.

— А причём тут то, как она вбита в мою записную книжку в телефоне?

— Очень нежно звучит, — заржал Питер. — Как будто так ты вписал девушку, которая тебе нравится.

Я посмотрел на него так, словно он кусок идиота. Просто редкий, клинический случай. Неизлечимый к тому же.

— Че-е-его? — протянул я. — Мне нравится? Эта белобрысая коза?! Не-е-е, я ещё не сошёл с ума, братан.

— А, значит, она — блондинка, — отметил Питерский, которому очевидно ну очень хотелось сунуть свой любопытный нос куда не просили.

— Бог ты мой, — покачал я головой, перекладывая кроссовки иначе — а то чемодан не закрывается. Столько ве-

щей... Я как на зиму в полярный круг собрался. — Какой блестящий метод дедукции! Как сложно было догадаться об этом из названия контакта в телефоне, но ты, брат, справился с этим просто потрясающе.

— Ага, я такой, — ухмыльнулся он. — Так почему ты её так вписал, если она тебе не нравится?

— Вписал и вписал, — встал я с чемодана, когда всё же победил его, и молния застегнулась. — Какая разница тебе? Потому что белая она — снежинка.

— Ну, тогда лучше впиши её Белая Коза, — предложил Роман.

— Белая Коза? — теперь уже заржал я. Питер как всегда жжёт шутки на ходу. Кстати, мне вот такое прозвище для мерзкой Кристины в голову не пришло, а оно, между прочим, подходит ей очень хорошо.

— Да, — ответил Ромыч. — Потому что если твоя Отелло-Дина найдёт в твоё телефоне столь нежный контакт “Снежинка”, то ты рискуешь приехать с лагеря не весь, с большими физическими потерями.

Я встал поперёк дороги и задумался.

А, точно. Питер прав. Динке точно не понравится такой контакт, хотя она не лазит по моему телефону. Я бы вообще удалил бы её номер к чертям собачьим, но теперь я знаю, что она девушка инициативная, ещё — внезапная и резкая как понос. Вдруг Кристине приспичит сказать мне спасибо за что-нибудь ещё и она сделает это прямо при Дине? Она

может просто сидеть рядом, а на экране смартфона появится всплывающее окно от контакта “Снежинка”. И ей в самом деле это не понравится. Пусть тогда будет записана — чтобы знать, от кого не брать трубки. Что-то удалять номер вовсе рука не поднялась...

— Нет, я лучше запишу её как-то нейтрально, — сказал я и действительно переименовал контакт.

Теперь Крис в моём телефоне зовут Антон. А заодно убрал функцию “показывать текст сообщения” когда смс поступает на телефон. Теперь, чтобы её прочесть, надо преодолеть пароль. Так будет надёжнее.

— Чтобы не вызвала подозрений?

— Да.

— А че ты его вовсе не удалишь? — спросил Роман. — Ведь всё равно не клеится общение.

Могу. Но почему-то не хочется...

Только Питеру об этом знать необязательно.

— Я ещё не все вопросы с ней решил, — ответил я. — Там отца касалось тоже.

— Расскажешь, может быть, всё-таки? — поднял брови Питерский.

Но у меня такого желания нет. Всё ещё стыдно. С другой стороны до него всё равно дойдёт. Странно, что пока ещё ему никто не рассказал из общих знакомых.

— Ну, в общем... — я коротко обрисовал ситуацию, которая сложилась между мной и Кристиной в тот вечер. Умол-

чал о некоторых моментах, которые касались только меня и её, но в целом картинку передал и свою вину признал и перед другом.

— Вот даёшь... — хмыкнул Питер. И серьёзно глянул на меня. — Это была очень неудачная шутка, друг. Надеюсь, ты это понимаешь?

— Понимаю, конечно, — ответил я. — И уже, как ты сам видел, огрѐб не раз за эту ситуацию. Поэтому мы может больше её не мусолить? Мне неприятно говорить об этом. Теперь ты в курсе.

— Не вопрос, — пожал плечами Питерский. Он никогда не пилит меня и не ругает, когда махать кулаками после драки поздно уже, за что я всегда и ценил нашу дружбу.— Но если честно, на месте девушки, я бы тебя тоже послал.

— Ну, я извинился, — развёл я руками. — Моя совесть теперь чиста. Заявление она писать не стала, так что... Пусть сама теперь катится колбаской по малой Спасской. Так. Что я ещё забыл?

Я обвёл глазами комнату, проверяя, всё ли нужное я уложил в чемодан.

Кажется, да. Осталось только Питерского выпнуть под зад из комнаты, и всё готово.

Завтра мы отправимся на поезде к морю.

17.

— О чём думаешь? — прилегла на моё плечо Дина.

Миниатюрная шатенка сидела рядом со мной в СВ-вагоне поезда, который нёс нас навстречу морю и солнцу. Естественно, места наши оказались в одном купе.

— О море, — хмыкнул я.

— Так любишь море? — спросила она.

— А кто его не любит? — ответил вопросом на вопрос я.

— Кино посмотрим, может?

— Включай, — пожала плечами она, и я потянулся в свой рюкзак за планшетом.

Установил его на столе и включил заранее скачанный сериал. Какая-то лабуда про трудных подростков Америки, но для поездки самое то. Я даже как-то увлёкся, пока мы вечерами коротали время за первым сезоном, а теперь перешли ко второму.

Динка достала пачку чипсов и банки с напитками, и мы погрузились в сериал.

Она снова свернулась комочком возле меня и вложила свою ладонь в мою руку.

А я смотрел на её тонкую фигурку и думал о вчерашнем разговоре с Питером.

Что я сам испытываю к Динке?

Нравится она мне?

Нравится. Только скорее как друг. Или как сестра лучшего друга — как-то так.

Когда она касается меня, я не испытываю фейерверка чувств, какой любят описывать в романах и фильмах. Но может, это в книгах преувеличивают, и любовь такая и есть на самом деле? Или это и не любовь, а нечто другое? Нежная дружба, привычка — ведь нас сватали друг другу ещё в детстве. Я ещё читать-то толком не умел, зато знал, кто у меня невеста — Динка.

А может ли быть вообще любовь в моём возрасте? Мне восемнадцать, Динке вообще — шестнадцать. О какой любви сейчас может идти речь?

Хотя Дина явно ко мне очень привязана. Но это тоже, наверное, некая детская влюблённость.

И почему я задумался сейчас об этом? Почему вопрос Питерского вдруг заставил меня поразмыслить об этом?

Я много по жизни плыл по течению. Меня устраивала, в целом, моя сытая жизнь. Выбранная родителями гимназия тоже устраивала, подаренная отцом тачка. Выбор места отдыха, и даже выбор невесты не злил — в конце концов, жениться меня на ней пока никто не заставляет на самом деле. А пока нет штампа в паспорте, всё это лишь условности.

Если так спокойно и удобно, и мне нравится, с каким трепетом Динка смотрит на меня и как нежно гладит мои пальцы, то зачем что-то вообще менять?

Она обнимала меня, доверчиво прижимаясь к моей груди, а в животе прыгали бабочки, даже щекотно было...

Я вплетал пальцы в её белые локоны — почему-то мне хотелось это делать, и это доставляло мне особенный кайф.

Но при этом меня терзало странное ощущение: почему я здесь, с ней, почему она меня обнимает, а мне это нравится? Что вообще происходит? Я же был в поезде с Динкой... А теперь какая-то поляна, и мы лежим с ней прямо на траве среди каких-то васильков.

— О чём думаешь? — спросила она и нежно провела пальцем по моей нижней губе.

Меня дёрнуло в ответ на этот жест, шея покрылась крупными мурашками.

Приятно...

Она же просто пальцем провела по губе?

А зачем?

Ещё раз вздрогнул, просто вспомнив это чувство, и открыл глаза.

Огляделся вокруг.

Поезд. Стук колёс. Сериал, который воспроизводил мой планшет. Рядом волосы шатенки, а не блондинки.

— Ты чего? — спросила Динка.

— Чего? — спросил сиплым со сна голосом я.

— Дёргаешься. Приснилось чего?

Чёрт... Так я уснул! Мерное бормотание сериала и езда меня укачали.

Затем нахмурился. Ну хорошо — уснул, но тогда какого фига мне снилась вдруг эта дурочка, Кристинка?

Да и сон такой странный. Мне что — было приятно, как она меня обнимает и... трогает губы?

Опять дёрнуло. И мурашки по спине. Третий раз, от фантазии моего мозга об этом касании...

Это чё за дрянь ещё со мной творится?

— Ага, приснилось, — кивнул я и потянулся за бутылкой с водой.

Аж в горле пересохло всё от таких снов.

— Что снилось?

— Что меня собака злая покусала.

— Архип, — надула губы Дина.

— Что? — спросил я, когда отпил воды и завинтил крышку бутылки обратно.

Бутылку вернул на стол купе.

— Ну я серьёзно же спрашиваю... Мне интересно.

— Я серьёзно и ответил, — сказал я. — Приснилась... собака, которая своей наглой лапой мне... Ну, короче, неважно. Давай сериал смотреть дальше. Что я пропустил, пока спал?

— Как героев покусали злые собаки, — отозвалась она.

Я искоса глянул на неё. Не поверила рассказу про мой сон.

Ну а что я ей скажу? Что мне неожиданно приснилась одна мерзкая Снегурочка, которая лезла к моим губам, и мне, блин, это нравилось?

Во сне я был прямо кретин, который таял от её рук и волос.

Как же хорошо, что в реальности мне на её белые волосы совершенно наплевать, да и к моим губам Снежинка точно не полезет. Она готова была замерзнуть в бассейне, лишь бы не целовать меня.

— Слушай, а что за история была у Соломатиной в прошлые выходные? — спросила Дина.

Я поджал губы. Блин, вот и до неё дошли слухи.

— Я всё ждала, когда ты сам всё расскажешь, — продолжила она. — Что за девчонку ты выбрал на этой вечеринке?

18.

— А кто тебе рассказал об этом? — спросил я.

Хотелось бы понять, что конкретно она знает.

— Селиванова, — ответила она.

— Ну да, куда же без этой сплетницы... — пробурчал я.

— И всё же? — Вернула меня к теме беседы Дина. — Что у вас там произошло?

— А что ты знаешь?

— А ты сам расскажи сначала, — посмотрела она на меня внимательно. — Почему ты просто не расскажешь? И почему до сих пор не сделал этого сам?

— Дин, ну выключай пилу, — попросил я и закатил глаза. — Не будь душлилой, а? Ну это было буквально пару дней назад. Не кинулся я тебе сплетни тусовок пересказывать быстрее вместо приветствия, и что теперь?

— Почему ты мне не рассказал сам? — требовала ответа она.

— Ну забыл я. Тебе так это интересно?

— Да. Хочу знать, что там была за девочка!

— О Господи...

— И почему ты выделил её?

— О Господи! — шлёпнул я себя рукой по лбу.

— Она тебе понравилась?

— Нет, — ответил я, стараясь держать себя в руках.

Кристинка и моя выходка не стоят скандала, который сейчас может разразиться, если я позволю раздражению выйти на волю.

— Почему тогда ты не хочешь рассказывать? — продолжала распаляться Дина. — Есть что скрывать?

— Я просто не хочу тратить на это время, сериал интересный, — пожал плечами я. — И не хочу повторяться. Вот ты первая и расскажи, что ты уже знаешь, чтобы я не тратил время на рассказы о каких-то курицах, на которых мне вообще плевать!

— Плевать? — уставилась она на меня.

— Конечно, плевать, — ответил я. — Глупая, ну ты что — ревнуешь? Я же с тобой.

— Рассказывай, Архип, — была непреклонна моя девушка.

— Сначала ты.

— Да ничего я особенно не знаю, — пожал плечами Динка. — Кроме того, что на тусовке вы начали кого-то кошмарить. Нищенку какую-то. А потом она угодила в бассейн. И заболела. И в этом почему-то винят тебя.

— Это была шутка. Неудачная, — ответил я, нехотя возвращаясь к воспоминаниям о том вечере. Чем больше проходит времени, тем стыд более осязателен, а желания говорить об этом всё меньше. Но близкие словно сговорились и заставляют раз за разом меня обсуждать эту тему снова. — Девчонка дерзкая попалась, стала гнать на меня, обзывать. Я

её и сунул в бассейн, охладить мозги.

— Кто она?

— Понятия не имею, — покачал я головой. — Она со стороны, её привёл кто-то из знакомых Соломатиной.

— Как зовут?

— Не знаю, Дин, — положил я руку на грудь. Врать — так от души и до победного. — Ты думаешь, мне она интересна, чтобы её имя запоминать?

Дина с подозрением окинула меня взглядом. Потом спросила:

— А дальше что было?

— Дальше я потребовал от неё публичных извинений, но вместо этого она меня послала, — продолжил я. — Я не выпускал её из бассейна. Она оказалась слабаком, замёрзла и начала терять сознание. Пришлось её вытаскивать, вызывать скорую — воды она успела наглотаться. Теперь она в больнице, заболела. А врачи сообщили в полицию. Полиция дала втык мне. Отец тоже. Я ездил извиняться перед ней. Всё.

— Извиняться? — округлила глаза Дина. — К этой корове ты ещё и извиняться ездил?!

— Да, а как ещё? — развёл я руками. — Она пострадала, могла и заяву накатать. Мне это было не нужно. Отец вообще... Обещал упечь меня в интернат, если я не добьюсь того, чтобы она не писала на меня заявление.

— Ты серьёзно? — округлила глаза она ещё больше.

— Ты ведь знаешь моего отца, — хмыкнул я. — Думаешь,

я стал бы шутить такими вещами?

— Не похоже...

— Ну вот. Пришлось извиниться.

— Ты ездил к ней в больницу?

— Ну а куда ещё? Не домой же, — ответил я.

— А откуда ты узнал, где она находится? — свела брови вместе Дина. Ей надо дознавателем идти работать, её-богу! Такая хватка бульдожья пропадает... — Вы что — всё-таки как-то связь поддерживали?

В мозгу всплыл контакт с именем “Антон”, который я не удалил, и куда действительно писал смс... Но Дина никак об это не узнает, даже если залезет в мой телефон — история переписки стёрта. А значит, моя совесть может быть чиста.

— Не я узнал, — сказал я ей. — А отец сам навёл справки, вручил мне адрес и подношения для неё, и отправил меня в больницу.

— Ты ещё ей что-то подарил? — оторопела Дина. — Зачем? У тебя из-за этой дуры столько проблем возникло, а ты ей подарки таскаешь? Да лучше бы она утонула совсем!

— Дин, — взял я её за плечи и развернул к себе. — Давай ты не будешь истерить и выносить мне мозг из-за полной чуши. Я же тебе сказал: мне она безразлична. Я даже имени не запомнил. А адрес больницы мне дал отец, как и купил заранее пару книг — не ехать же с пустыми руками, так не принято.

— Так если тебе отец дал адрес больницы, то там и имя

должно было быть, — посмотрела она на меня. — Как же иначе ты бы её нашел?

Вот чёрт... Ляпнул, не подумав. Действительно, как бы я смог её найти, не зная имени?

— Ты врёшь мне, Архип, — грустно сказала Дина. — И я пытаюсь понять, зачем...

— Ну было там имя, — пожал я плечами, стараясь держать лицо до конца. — Но я уже не особо помню его. Ольга, кажется.

Снова ляпнул то имя, какое первым на ум пришло. И это было имя подружки Снежинки... Имя же самой Снежинки мне называть почему-то не хотелось.

— Динка, ну хватит тебе, — улыбнулся я ей, притягивая её к себе ближе. Есть отличный способ сделать её добрее и молчаливее — заткнуть рот поцелуем. — Не нужна она мне. Я просто накосячил, и извинился за это. Всё. Конец истории. Заявление она обещала не писать, значит, можно спать спокойно.

— Значит, ты ей понравился! — заявила она, уворачиваясь от моих губ.

Я же прыснул со смеху. Вспомнил лицо и фразы Снежинки. Я ей мог понравится только в случае, если бы предложил стать ей мишенью для дротиков. Не иначе.

— Да брось ты, — сказал я. — Она просто прекрасно поняла, что мой отец — не простой смертный, и не стала связываться.

— Нет, просто ты красивый, и ей понравился! — не сдавалась Динка, упираясь в мою грудь руками. Но я сильнее.

— Раз красивый — тогда целуй, — сказал я ей. — Я весь такой красивый, всем кругом нравлюсь, но эта приятная обязанность только для тебя!

— Плут! — мягко шлёпнула меня она по плечу, а потом сама потянулась к губам.

19.

КРИСТИНА.

Прошло несколько дней, как я отдыхала на больничной койке. Температура больше не поднималась, и меня готовили к выписке. Чувствовала я себя после антибиотиков значительно лучше, и могла читать или смотреть свой сериал — мама принесла мой планшет. Но книги даже больше увлекли — молодец, засранец, на книги у тебя шикарный вкус. Или у твоего папочки? Впрочем, неважно — всё равно спасибо, время так пролетело куда более приятно, чем я бы созерцала кафельные стены палаты...

Лёгкий стук в дверь прервал моё чтение. Я подняла голову и ответила:

— Да, войдите.

В дверном проёме показалась голова Ольги...

Я закатила глаза. Лёлька тихо вошла, закрыла за собой дверь и подошла ближе.

Я смотрела в окно, а её словно не замечала.

Зачем было приходить, если я не отвечаю ни на звонки, ни на смс?

Неужели непонятно, что наше общение закончилось?

— Привет, — сказала она, присаживаясь на стул возле моей кровати.

— Здравствуй, — довольно холодно отозвалась я.

Ругаться мне не хотелось ни с кем, но маловероятно, что наш разговор сейчас выйдет положительным и приятным. Я и так до сих пор успокоиться не могу, что она ради парня готова была меня предать. Причем парня, у которого уже есть девушка. Нашла ради кого...

— Я знаю, что ты меня не очень ждала, но...

— Вообще не ждала, — перебила я её и посмотрела на бывшую подругу. А ведь больно до сих пор. Как ты могла так поступить с нами, Оленька? Но вслух я ничего этого не сказала, естественно. Всё равно ведь не поймёт, так к чему мутить эту воду?

— Знаю, — кивнула она, виновато опустив голову. — Но мне необходимо было прийти.

— Я трубку не брала и на смс не отвечала, — сказала я. — Что тебе было тут непонятно? Я не хочу общаться.

Лёлька закрыла лицо руками и заплакала.

Я шумно выдохнула. Ну ещё слёз мне тут не хватало! Мне и самой до сих пор больно, а теперь ещё и её жалко. Человек она в конце концов или нет?

— Ну прекрати, — подошла я к ней и убрала руки от лица. Протянула её бумажный платок, который вынула из пачки на моей тумбочке. — Слезам горю не поможешь — слышала такое?

— Д-да...

— Ну и толку тогда лить реки слёз?

— Мне очень стыдно перед тобой, Кристин...

Я отпустила её руки и снова глубоко вздохнула. Прошла мимо неё к окну и стала смотреть на то, как ветер играет с листвой.

— А почему-то ты раньше об этом не думала, — сказала я. — Тогда, когда они там надо мной издевались, как над котёночком.

— Думала, просто я... — ответила она и замялась. — Испугалась.

— И смалодушничала, — добавила я.

— И смалодушничала, — согласилась Оля со мной. — Я... боялась, что и тебе не помогу, и сама ужогу в неприятности. Ну чем я там тебе могла бы помочь?

— Знаешь, — обернулась я к ней. Встретилась со взглядом её карих глаз. — Если бы они вот так поступили с тобой — я бы дралась с ним, чтобы вытащить тебя.

— Правда?

— Да. А ты... испугалась.

— Но ведь все разные, Кристин.

— Да, — кивнула я. — Есть трусы, и с ними я общих дел иметь не хочу. Если я буду при смерти — ты испугаешься и уйдешь снова в сторону.

Ольга закусила губы и снова заплакала. Только поздно уже. Тут точно теперь слезами горю не помочь. И меня они трогают, но не заставят меня её простить. Я всё ещё помню, как она поступила со мной.

— Ты извиниться хотела? — прямо спросила я у неё.

— Да. — Мяла она в пальцах бумажный носовой платок, который я дала ей.

— Я тебя извиняю, и зла не держу, Оль, — ответила я.

— Правда? — с надеждой смотрела она меня.

— Правда, — кивнула я. — Но...дружить мы больше не будем. Я думаю, ты понимаешь сама — почему...

— Я бы хотела надеяться, что ты простишь меня когда-то окончательно, — грустно сказала Ольга, которая, конечно же, всё понимала. — Мне тебя...не хватает.

— Оль, надо было думать об этом, когда там за меня никто не вступился, — сказала я, обнимая саму себя, словно защищаясь и от неё в том числе. — Ты позволила им насмехаться надо мной, унижать... Ты просто молчала, осталась в стороне. Я не понимаю такой дружбы, если честно.

— Я была не права...

— Рада, что ты это признаёшь хотя бы, — признала я. — Это сильный поступок. Только ты себя уже показала не с лучшей стороны. Теперь изменить своего отношения к тебе я, увы, вряд ли смогу. Я буду помнить, что доверять тебе невозможно.

— Я понимаю, — почти прошептала Лёлька. — Я очень виновата перед тобой. Надеюсь, когда-нибудь ты оттаешь...

— Не знаю, Оля. Не знаю.

— А что ты такое читаешь? — переключилась она вдруг и взяла в руки одну из принесённых Архипом книг.

Решила всё-таки начать общение и, возможно, постепен-

но увлечь меня им. Только ничего у неё не получится. Я не прощаю предательства.

— Тебе пора, извини. Я спать хочу. — Забрала я книгу у неё.

— Да я просто хотела посмотреть, что за книга...

— Тебе пора, Оль, — повторила я, убирая роман за спину.

Оля ещё какое-то время грустно смотрела на меня, а потом сказала:

— Поправляйся... Тебе, может, принести что-нибудь в следующий раз?

— Я надеялась, ты поняла, что следующего раза не будет, — строго посмотрела я на неё.

Ну зачем это всё? Если уж решили резать по живому и рвать отношения, то нужно это делать сразу и сейчас.

— Если ты так хочешь, то... не будет, — пробурчала она.

— Хочу, Оль, — ответила я. — Всего тебе доброго. И по-друг хороших, которые не предадут и не бросят в трудную минуту. Пусть тебе с ними повезет больше, чем мне.

— Спасибо, — еле выдавила она из себя, а потом всё же ушла из палаты.

Я села на кровать и раскрыла книгу на том месте, где остановилась. Попыталась сосредоточиться. Только ничего не выходило — буквы просто прыгали перед глазами.

— Чёрт... — Закрыла я книгу и отложила её в сторону.

На глаза навернулись слёзы, а грусть кирпичом легла на грудь.

Как бы я не хорохорилась перед Олькой сейчас, а мне тоже этой предательницы не хватало...

Дружба — такая хрупкая вещь. За один вечер она стала... Да просто ничем, пустым местом. А я поняла, какую роль играла в жизни Лёльки — роль игрушки. Она таскала меня по этим вечеринкам с богатынькими детьми, чтобы на моём фоне казаться лучше, а в трудную минуту вообще — бросила.

Может, верно говорят, что женской дружбы не бывает, или это мне не повезло?

20.

Спустя еще несколько дней меня выписали. Мне пришлось усиленно готовиться к экзаменам — я просто их пропустила из-за болезни, и теперь буду сдавать их одна, всё внимание будет лишь на мне, так что ни о каких шпаргалках и речи быть не может... Придётся учить.

И за это тоже передаю привет и спасибо Ветрову! Надеюсь, ты отлично развлекаешься, козёл мажористый, пока я зубрю день и ночь учебники...

— Чёрт, — отложила я книгу в сторону.

Устало потёрла глаза и глянула на часы — десять вечера. Голова уже кубиком, а глазки — нежно смотрят друг на друга от количества прочитанных параграфов.

Стоит передохнуть, а то я уже и не понимаю даже, что читаю — мозг просто отказывается принимать ещё информацию.

Вздохнула.

Ладно, справлюсь как-нибудь. Где наша не пропадала? Запиликал телефон.

Глянула на дисплей — сообщение от Ольги.

Когда же она уже смирится? Рука засунуть её в черный список дрогнула и не поднялась, так она теперь мне и пишет, словно ничего не произошло.

— Кристиночка, как дела? — пародировала я её пискля-

вым голосом перед самой собой. — Кристиночка, тебе помочь подготовиться к экзаменам? Кстати...

Я схватила телефон в руки. Лёлькину помощь принимать мне хотелось, но у меня уже крыша едет от зубрёжки. Пусть даст мне хотя бы ответы на вопросы по общей программе. Она предлагала... Но я, гордый птиц, отказалась. А теперь я птиц уставший и порядком задолбавшийся, и хочу ответы на экзаменационные билеты, и к кому-нибудь на ручки...

— Ладно, — писала я смс и диктовала себе вслух. — Приноси свои билеты. Отправлено.

Положила телефон на стол и снова тяжело вздохнула, глянув в блокнот, в котором отмечала выполненные задачи по подготовке к экзаменам. Конечно, мама принесла мне материалы в больницу, и я занималась и там, когда перестала от температуры болеть голова, но всё равно времени на это уходило очень много, и в итоге пока я не сделала и половины всего, а экзамены через пять дней...

— Можно? — постучалась ко мне мама и застыла в дверях.

— Можно, конечно, — обернулась я. — Чего ты спрашиваешь?

— Просто ты занималась, я не хотела мешать, — сказала она, присаживаясь на диван рядом с моим письменным столом. — Ещё не закончила?

— Нет, — вяло отозвалась я. — И не скоро закончу. Очень много всего... Но уже не сегодня.

— Ты плохо себя чувствуешь? — обеспокоенно оглядывала меня мама.

— Нормально, — пожала я плечами. — А что?

— Отвечаешь вяло.

— Я просто устала, мамуль.

— Точно?

— Да.

— Может, сходим к врачу, продлим больничный? Экзамены тоже отложат.

— Да не уж, — хмыкнула я. — Пусть уже пройдут. Нервничать еще пару недель — я не вынесу.

— Ну да, — кивнула она. — Экзамены — такое дело. Терпеть их не могла ни в школе, ни в институте.

Я внимательно посмотрела на маму.

— А раньше говорила, что все сдавала только на пятёрки.

— И сдавала, — ответила она. — Только это не мешало мне их ненавидеть.

— Этого ты мне не говорила.

— Ты и не спрашивала. Но это логично. Неужели существуют люди, которые любят сдавать экзамены?

— Сомневаюсь, — усмехнулась я.

— Ну вот, — улыбнулась мама. — Это стресс для всех. В общем, верное решение не откладывать неизбежное. Ты всегда у меня была сильной девочкой, которая не боится трудностей. Молодец. Но только если тебе нехорошо — говори, мы всё-таки отложим. Экзамены важно, но ещё важнее мне,

чтобы мой ребёнок не убился на них.

— Да всё нормально, мам, — улыбнулась я ей в ответ. — Честно. Я справлюсь.

— Смотри сама, — покачала она головой. — А на сегодня в самом деле хватит — времени уже много. Ложись отдыхать.

— Хорошо, — согласилась я с ней. — Пойду, чайку попью, наверное. И потом спать.

— Ну попей, — сказала она. — Слушай, дочь... Всё-таки ужин хотим устроить с Володей. Семейный, так сказать.

— А, да, — отозвалась я. — Помню, он сорвался.

— Да.

— Но ты хочешь наверстать упущенное.

— Да, хочу, — посмотрела на меня она внимательно. — И без шуток.

— Так и я без шуток.

— Кристин, — сложила она руки на груди. — Для меня этот мужчина очень важен.

— Я поняла.

— Хотелось бы, чтобы ты вела себя как взрослая, а не вот эти твои шуточки...

— Хорошо. Я буду сдержанной и взрослой.

— Надеюсь, — ответила мама спустя пару мгновений. — Он тебе понравится.

— Не сомневаюсь... — смотрела я в потолок.

— Только Дины сейчас нет, она в лагере... Но пока сами

посидим, в ресторане. Да?

— Как хочешь, мам, — пожала я плечами. — Твой же праздник.

— Спасибо, дочь, — встала она на ноги и сжала она моё плечо. — Очень рада видеть, что ты меня действительно понимаешь.

— Понимаю, мамуль, — положила я сверху ее ладони свою. — Я не буду юморить на ужине.

— Спасибо, — снова поблагодарила она меня и поцеловала в макушку. — Тогда завтра, в семь вечера. Это ненадолго, отложишь книги на час.

— Да отложу, конечно.

Что мне, в самом деле, жаль часа на ресторан? Развеюсь, может, хоть немного. Трудно мне для мамы это сделать? Не каждый день она меня собирается знакомить со своим женихом.

— Ну, отдыхай.

— Доброй ночи, мам.

— Доброй...

Она ушла, а я всё же пошла в кухню и включила электрический чайник.

АРХИП.

Громкая музыка дискотеки, которой заканчивается каждый вечер в лагере, заглушала все разговоры. Динка само-

забвенно танцевала с новыми подружками, пока я подпирал стенку края танцпола. Как и многие другие парни. Обычное дело для лагерной дискотеки.

Вдруг мой взгляд зацепился за силуэт.

Девчонка, с длинными белыми волосами по самые булочки очень красиво танцевала...

Она стояла ко мне спиной и не видела меня.

Почему-то в животе ёкнуло.

Кристина?

Она здесь? Она ведь болеет. Или выписали уже? Как я её мог не заметить? А как она сюда попала — в этом лагере только обеспеченные родители могут позволить себе купить путёвки своим детям. По льготам, что ли, каким-то?

Влекомый непонятной силой я подошёл к ней, положил руку на плечо и развернул к себе.

— Кристина?

— Что, прости? — на меня смотрела, весело улыбаясь, синеглазое создание. Ничего такое, но... Это не Крис.

— Э-э... Извини, я тебя спутал с одной своей знакомой.

Странно. И почему мне помешалось, что это Снегурка? Мало ли попастых красоток с длинными белыми волосами...

— А-а... — протянула она, накручивая прядь волос на палец. — Может, тогда составишь компанию? Раз уж тебя судьба ко мне привела. Как раз медленный танец.

Она кокетливо изогнула одну бровь в ожидании приглашения. Я же увидел боковым зрением, как на всех парах к

нам несётся Динка с глазами по пять рублей...

— Привет, — сказала она, останавливаясь возле меня и практически загораживая меня собой от девушки, которую я спутал с Крис. — Извини, но я забираю этого красавчика. Он мой.

Она потянула меня за руку на танцпол.

— Дин, ты... Извини, — остановил я её и руку свою убрал. — Танцевать не хочу.

— Ну, Архип... — заканючила она. — Все парочки танцуют...

— Я — не все, — ответил я и вышел на улицу.

Хотелось подышать свежим воздухом, да и громкая музыка уже порядком задолбала.

Дина выскочила за мной.

— Я один побуду, можно? — обернулся я на неё.

— А что случилось?

— Ничего. Просто хочу пройтись один.

— Ну ладно... Пойду к себе тогда... — Явно расстроилась она, развернулась и пошла в сторону корпуса нашего отряда.

Я же прошёлся по дорожке до небольшого соснового бора в конце территории лагеря и вынул телефон. Долго думал, писать или нет. В итоге открыл диалог с именем “Антон”.

“Привет. Как здоровье?” — написал я и отправил адресату.

21.

О, ответила!

Мне пришёл ответ спустя несколько минут.

Я думал, проигнорирует...

Развернул сообщение, поймав себя на мысли, что делаю это с энтузиазмом, как ребёнок под ёлкой бы открывал подарок в Новый год.

“Нормально. Не заболела её сильнее, и не писала на тебя по этому поводу заявлений. Расслабься”, — прочёл я и усмехнулся.

Ответ, достойный Кристины. Острый, как шпилька, смертельный, как пончик, политый ядом.

Стерва.

“Я не об этом. Чего такая меркантильная? Просто хотел знать, что тебе лучше”, — написал я и отправил новое сообщение.

Побродил меж елей ещё, пока не стали загонять всех в корпуса — вечер кончился. Я пошёл к себе, забыв даже по пути заглянуть к Динке.

Нет, вру. Не забыл. Не захотелось...

Всё моё внимание привлекал мой телефон. Я ждал ответа.

Конечно, чтобы просто поглумиться над ней. Что же ещё?

И вскоре он пришёл.

А она не сидит у телефона в ожидании моего ответа. И

отвечает через губу. А я вот ждал, и ниче не мог с собой сделать... Динка никогда со мной не говорит подобным тоном. Да и никто не говорит.

Что себе вообще позволяет эта малявка?

Почувствовала себя выше меня, цаца!

Ничего, будет и на мой улице праздник однажды. Придёт война, и ты, Снегурка, попросишь ещё хлеба. А я тебе всё припомню, уж постараюсь. Так всегда бывает. Земля круглая, и никогда заранее сказать нельзя как может она повернуться, и ты нежданно-негаданно вдруг сам попадаешь в зависимость к тому, кому ранее сделал плохо и больно.

Посмотрим ещё!

Однако, снедаемый любопытством, поскорее развернул с ней окно диалога. Точнее, с “Антоном”.

“У тебя учусь! В твоём понимании жизнь человека — мелочи. А в то, что ты по доброте душевной о моём здоровье справляешься, я не верю. Совесть замучила, да?”

Заскрипел зубами, боясь разбудить соседей по комнате.

Как она это делает? Всего несколько сообщений, и я мечтаю сомкнуть пальцы на её тонкой изящной шейке с симпатичной золотой цепочкой в виде капельки, убегающий под футболку в самое интересное место, и как следует их сжать!

Придушить с наслаждением.

О да...

Кстати, откуда я знаю какая там нафиг у неё цепочка?

Только и крякнул тихо.

Зрительная память и мой мозг, хочу официально обратиться к вам: хватит запоминать всякую чушь, которая не несёт для меня совершенно никакой ценности, всплывая неожиданно зачем и непонятно для чего однажды ночью. Спасибо.

Сам с собой негромко посмеялся ходу своих мыслей и перевернулся на бок.

“Я тебе уже говорил, что и сам не рад, что так получилось,” — стал набирать я новое сообщение для “Антонa”. — “И уже извинился. Что ты хочешь ещё услышать?”

Отправлено.

Ожидание.

Я почти слышал как течёт время. И тянется как резина.

Конечно, я понимал, что в ответ мне не придёт ничего приятного, но всё равно не мог уснуть в ожидании ответа. И он пришёл.

Телефон завибрировал в моих руках от входящего сообщения.

Развернул и ощутил разочарование — в приложении горел диалог с Диной.

Открыл его.

“Ты уже спишь? Даже не зашёл ко мне”.

Да, сплю.

Закрыв с ней диалог и снова уставился в пустоту.

Новое сообщение заставило меня вздрогнуть.

Теперь это было послание от Снежинки...

“Я? Ничего. Это ты мне вообще-то написал, сам. Ты свои таблетки принять забыл, Ветров? Уже на ходу все забываешь и путаешь. Спать ложись, мне к экзаменам готовиться ещё надо! Которые я не сдала из-за тебя, между прочим! И буду сдавать с опозданием одна! Спасибо тебе за это!”

А вот сейчас в самом деле стыдно стало. Снова. Сколько проблем я доставил ей...

“Фамилию мою выучила? Польщён”.

“Не обольщайся, просто она лёгкая у тебя. А вот имя забыла, извини... Демид, если не ошибаюсь”.

Издевается уже откровенно или правда порой неадекватная? Вроде не показалась таковой в прошлый раз. Может, правда, забыла... Это почему-то обидно. А я вот её имя запомнил.

“Архип я. Помощь нужна какая-то?” — спросил я.

“Я тебя чем-то обидела?” — вклинилось сообщение от Динки, которое я нечаянно нажал и оно стало прочитанным.

Блин, а...

— Ц-ц...

“Нет. Я сплю” — ответил я лаконично и отправил ей.

Следом прилетела весточка от Крис.

“От тебя? Не смейся мои колготки. Ты хоть алфавит-то выучил? Или это тоже необязательно — папочка всё равно за все экзамены заплатит?”

— Овца! — тихо выругался я, злой как тысяча чертей. — Хотел же просто по-человечески узнать...

Без сожаления удалил её номер вместе с перепиской.

Убрал телефон на тумбочку, поставив его в режим “самолёт”.

Знаю, что вряд ли она мне напишет, но на всякий случай поставил.

Вот теперь точно — пошла она нафиг! Пусть завалит свои грёбанные экзамены!

Больше ничего не ответил.

Ну и слава тебе Господи.

Усмехнулась и отложила в сторону телефон.

Теперь спать надо. Не дал мне уснуть нормально своими смс-ками.

Чего он мне вообще писал — я так и не поняла.

В то, что его волнует каким-то боком моё здоровье после того, как он меня топил и при этом смеялся, я не поверю никогда в жизни. А то, что я никаких заявлений писать не стала и не буду, я ему сообщила — он может быть спокоен.

К чему он продолжает этот диалог? Ведь очевидно, что ни мне, ни ему он неприятен. Снова, что ли, папашка подослал разведать обстановку? Так всё важное я уже ответила.

Перевернулась на другой бок и закрыла глаза.

Почему-то перестать о нём думать получилось не сразу. Поначалу, если не брать в расчёт, что он принялся подкапывать ко мне, при этом уже находясь в отношениях с какой-то... Имя тоже забыла. Плохая память на них. Нина, что ли... Пусть будет Нина. Находясь в отношениях с Ниной, он клеил меня в машине.

Не понравилось.

Ну а уж про его поведение в доме и бассейн и говорить нечего!

Красивый парень, ухоженный. Очевидно, что он привлекателен для девочек, прекрасно это знает и пользуется этим.

А вот с душевной красотой — беда.

Надо же — красивый уродец.

Бывает же...

Перевернулась на другой бок в поисках сна.

Что ж такое... Где же этот сон?

22.

— Салфеточку? — протянул мне её Володенька, с которым мы познакомились сегодня вечером и теперь сидели за одним столом.

Вблизи мужчина казался ещё более внушительным, чем когда я видела его сидящим в машине. И каким-то... опасным. Он напомнил мне братков из кинофильмов о криминальных элементах... Возможно, мне так показалось — ну нравится мужчине коротко стриженные волосы и бархатный пиджак. Говорить об этом маме и даже как-то подавать виду, что мне её жених как-то очень не нравится на каком-то интуитивном уровне, я конечно, не стала. Может, я не права, и просто ещё плохо знаю Владимира Богдановича — так он представился мне.

А то, что от него исходила сила денег и власти, которую я ощущала словно кожей — так в его положении это неудивительно. Ведь он какой-то чиновник.

Я таких людей не люблю и опасаясь их — именно потому что у них слишком много власти, и никогда не знаешь, как и когда она может обернуться против тебя.

Но это мамин выбор, ничего ей всё равно не объяснить. Тем более, яйцо курицу не учит, так что придётся мне играть в вежливость ради счастья мамы. Но я очень старалась иг-

рать роль примерной девочки. Впрочем, я ею и была, только на язык остра и постоять за себя умею.

Кстати, где же они с мамой тогда встретились? Ведь она простая учительница географии в нашей самой обычной, ничем не примечательной средней школе...

— Спасибо, — улыбнулась я и забрала салфетку из его рук. — Очень кстати.

Конечно же, я никак не могла поесть в ресторане и ничего не повалить при этом — сейчас на моих джинсах лежал кусочек курицы, упавший с вилки. Ох уж эти рестораны! Ну не умею я себя в них вести. Вон, путь мою маман и водит по ним, а мне и кафе с бургерами за глаза.

Салфеткой я убрала курицу, делая вид, что ничего такого не случилось, и снова посмотрела на маму и её мужчину.

— Так мне вот интересно: а кем вы работаете? — спросила я его.

Всё же должна я знать, кому мать отдаю?

— В мэрии, — ответил он. — Я депутат.

— В партии состоите?

— А вы разбираетесь в этом вопросе, юная леди? — поднял брови в изумлении от того, что я вообще знаю такие термины, Владимир.

— Ещё как, — ответила я. — Политологией увлекалась одно время, знаете ли...

— Политологией? — повторил он за мной. — В пятнадцать?

— Мне семнадцать, — посчитала нужным поправить его я. — А вот увлекалась я данным предметом как раз-таки в пятнадцать.

— Приятно видеть среди молодёжи светлые умы. Я думал, девушки вашего возраста имеют иные увлечения...

— Какие?

— Моя дочь в пятнадцать, да и в шестнадцать тоже, о политологии, и в принципе об учебе, и слышать не желает, всё из-под палки сдаёт в школе, а читает только модные девчачьи журналы.

— Может, она в журналистику подастся потом, — пожала я плечами. На всякий случай проявлю лояльность к будущей сводной сестричке. Как-никак мы будем одной семьёй. Хотя если она хоть немного похожа на тех мерзких мажорок, что я видела на вечеринке с Ольгой, даже не представляю, как мы будем общаться. — У каждого свои вкусы. А мне в самом деле было интересно изучить этот вопрос. Так членом какой партии вы являетесь?

— Не членом, — гордо ответил мужчина. — Я — её лидер.

— Вот как? А название услышать можно?

Он назвал мне известную всем аббревиатуру.

Да, действительно — высота. Теперь с ним общаться стоит ещё осторожнее... Слухи-то про этих “депутатов” и их деток ходят ой какие разные.

— Так я общаюсь с лидером популярной у народа поли-

тической партии? Завьялов Владимир Богданович.

— Так точно, — усмехнулся довольный собой Владимир.
— У вас что — на меня полное досье?

Значит, это тот самый Завьялов. Я не запомнила его лица на фотографиях в интернете, а вот фамилия коррелировалось в голове с названием партии.

— Я читала о вас в интернете.

— Подготовились, получается, — снова рассмеялся он.

Завьялов умеет шутить. Это хорошо, возможно, мы даже найдём общий язык с ним.

— Ну, случайно, так. А где же вы познакомились с моей мамой?

— Кристина, прекрати, — цыкнула на меня мама, которая уже минут десять в напряжении стреляла глазами то в меня, то во Владимира. Ещё немного, и у маман “конский хвост” на голове от напряжения треснет и распадётся. Да, пожалуй, закидала я его вопросами, а обещала вести себя как пай-девочка.

Прости, мам. Я пыталась. Но я должна знать, что за мужик претендует на твои руку, сердце и все остальные органы.

— Ничего-ничего, Нинуль, — успокоил её ухажёр с политическим уклоном. — Мне очень интересно беседовать. Впервые от подростка слышу такие содержательные вопросы и ответы. — Потом он повернулся ко мне. — А познакомились мы с Ниной очень просто и совершенно не романтично — в моём кабинете.

— Как так? — опешила я. Действительно, весьма просто и...скучно.

— Я пришла туда сама, — включилась в диалог и мама. — Мне нужно было решить вопрос со школьными компьютерами. Так как я завуч, то и пошла выбивать технику я сама. В администрации мне не помогли, и тогда я пошла выше — в мэрию. И попала на приём к Владимиру Богдановичу. Он помог с моим вопросом — теперь в нашей школе новые компьютеры в классе информатики и в учительской. Потом мы снова встретились случайно в торговом центре снова — я покупала продукты домой, а Володя заехал купить воды. Он спросил разрешения мне позвонить как-нибудь, и позвонил... Номер же я оставляла. Так мы и начали общаться.

Мама закончила говорить с улыбкой на губах. В самом деле милая история... Мама прямо-таки Золушка, только в современности и не столь юная, как героиня сказки. А кто сказал, что если вам немного за тридцать, то уже нет надежды выйти замуж за принца? С мамой это сработало.

— Очень...романтично, — прокомментировала я. — Романтика среди серых будней области образования и политики.

— Можно сказать и так, — снова рассмеялся моим словам Владимир. — Кристина, вы очень интересная юная леди.

— Да? Спасибо, — ответила я.

— Я думаю, мы все прекрасно уживёмся в моём доме.

— Что? — уставилась я на него.

Каком ещё “его доме”?!

— А вам разве Ниночка не сказала? — поднял брови Владимир.

— Володя, рано... — цыкнула на него мама. Но уже было поздно. Я в напряжении ждала, как он это всё же сможет пояснить для меня. — Я хотела дома, сама...

— Ваша квартира продана, — ответил Завьялов. — Вы переезжаете через несколько дней в мой дом.

Моя челюсть просто покатилась под стол...

23.

Я в шоке смотрела на маму. Как она могла продать нашу квартиру, и зачем? У Владимира ведь есть дом? Мы же не в сарай и не в палатку на улице ехать собрались. Но говорить ещё что-то при нём я не стала. Это уже семейный разговор с глазу на глаз с мамой. Может, я ещё успею вправить ей мозги? Вдруг они пока только на стадии сделки продажи. И как она ее умудрилась бы продать, когда в ней прописана я — несовершеннолетняя? Не нравится мне вся эта история... И Володя этот тоже — ой как не нравится! Мои тревожные маячки так и звенели внутри, словно требуя немедленно от него убежать. И как уж нам жить всем вместе я себе плохо представляла.

— Так что... собирайте потихоньку вещи, да? — глянул на маму мужчина. — Скажите, как будете готовы — я помогу с чемоданами, вас довезу.

— Конечно, — улыбнулась мама, с опаской поглядывая на меня. Она знает, что я её выскажу всё после ужина.

— Потом приедет Дина, и вы, я уверен, подружитесь.

Сомневаюсь. Потому что у такого человека очень вряд ли вырос хороший человек, но выбора у меня нет. Придётся любить новых “родственников”.

— А дату свадьбы назначали? — спросила я.

— Да, — кивнул он. — Свадьба будет в конце августа,

когда приедет Дина.

Ну хотя бы жениться намерен, хотя сейчас только июнь, а сказать и пообещать можно и Луну с неба...

— Мам, я... Пойду, наверное, — поднялась я со своего места. — Мне ещё готовиться к экзамену надо...

— Мы тебя отвезем, — тут же спохватился Владимир.

— Не-нет, вы отдыхайте, ещё рано, — отказалась я, закидывая лямку сумки на плечо. — Я сама прекрасно доеду.

А заодно остыну, чтобы не поругаться с мамой вдрызг.

— Я поехала. Пока!

Я стремительно покинула ресторан и направилась на автобусную остановку. Пока, хмурая как тысяча туч, ждала транспорт, ко мне подъехала машина и остановилась. Я не обращала на неё внимания, но стекло водитель опустил и выглянул, сняв немного очки и оставив их на носу. Оценивающий взгляд парня раздражал. Я не курица на рынке! Но я предпочитала делать вид, что никого не вижу.

— Привет, красавица, — сказал он мне, и я невольно скривилась — какой дешевый и бородатый подкат...

— Я не знакомлюсь, — ответила я и продолжила смотреть вдаль, молясь, чтобы мой автобус приехал быстрее.

— А как ты узнала, что я хочу познакомиться? — спросил он.

— Тут не надо быть Шерлоком Холмсом.

— Ну да — хочу. Давай познакомимся?

Ц-ц... Детский сад. А вот и мой автобус показался. По-

везло...

— Я не знакомлюсь, — повторила я.

— Почему?

— Боюсь незнакомых парней.

— Мы сейчас познакомимся, и я стану знакомым, — засмеялся он.

Да, великолепная шутка. Для тех, кому за двести...

Прилипа и душнила! Но посылать его открыто я боялась — с моей-то комплекцией.

К остановке подъехал автобус, и я первая к нему ринулась.

— Эй, киса, хоть номер телефона оставь! — крикнул он мне, но я уже запрыгнула в автобус, заняла место у окна и только тогда спокойно выдохнула. А потом показала ему в окно средний палец... Достал.

По лицу парня пробежала тень недовольства, но автобус уже закрыл свои двери и уехал с остановки. Надеюсь, он за мной не поедет...

На моей остановке я вышла и оглянулась. Машины парня нигде заметно не было. Отсюда до дома минут пять, но я преодолела это расстояние за три.

— Фух! — выдохнула я, когда захлопнула за собой входную дверь.

Разулась и принялась наматывать круги по квартире.

Мама-мама, что же ты делаешь? Зачем нашу квартиру продаешь? Что-то мне всё это совсем-совсем не нравится!

Еле дождалась её возвращения домой. Вышла встречать

её на порог. Руки сложила под грудь.

— Ну что так смотришь на меня, словно на врага? — спросила она, очевидно поймав на себе мой не самый дружелюбный взгляд.

— Нам надо поговорить.

— Хорошо, — выпрямилась она после того как сняла бо-соножки. — Только руки сначала вымою.

Я подождала её в зале, а когда она пришла следом, тут же начала задавать вопросы.

— Мам, ты что — правда квартиру продала уже?

— Правда, — спокойно ответила она.

— То есть уже не этап сделки даже? Прямо продана?

— Да.

— Мам...

— Что? — встала она руки в боки.

— Ты с ума сошла? Продавать квартиру!

— Ничего я не сошла! За языком следи, соплячка!

— А мне кажется, сошла... — заговорила я тише. — Ты меня раньше никогда так не называла.

— А ты мне раньше так и не хамила!

— Мам, что с тобой? У тебя совсем от чувств голова по-ехала?

— Кристина, — вздохнула она. — Давай ты не будешь лезть в дела двух взрослых людей? Мы сами разберёмся. Нам не нужна эта квартира, если мы всё равно будем жить у Володи.

— Но я же не буду жить там вечно! — начала сердиться я. Как она могла не подумать обо мне? Что с ней такое произошло? Она как околдованная. Это так любовь действует? Тогда я предпочту никогда не влюбляться! — Мне через год восемнадцать.

— Ты всё равно будешь учиться, и жить будешь в студенческом общежитии. Володя выбрал для тебя и Дины отличный ВУЗ,...

— Мам, мне не надо ничего от твоего мужчины! — заявила я. — Может, я туда не поеду! Тут буду учиться. А ты уже квартиру продала.

— Ну вот если не поедешь — тогда и разберемся, — ответила она.

Это просто бесполезный разговор. Она все решила, и никакие мои слова не изменят этого решения.

— Кстати, как вы её продали? — спросила я. — Там ведь и я прописана была.

— Теперь мы обе прописаны в доме Володи.

— Прекрасно! — воскликнула я. — Ты все решила за нас обоих! А посоветоваться со мной нельзя было?

— Значит, так, — повысила голос мама. — Твои советы мне тут не нужны. Квартира продана, завтра же собираем вещи. Будем жить у Владимира, нас туда официально прописали и выписали из старой квартиры. Ничего тут нет необычного. Просто без тебя всё это сделали, пока ты была в больнице. У Володи есть связи, и мы тебя не привлекали, чтобы

экзаменами занималась.

— Мам, а зачем ему деньги с продажи квартиры? — в лоб спросила я.

Раз они ее продали, значит, деньги нужны были. А зачем такому крупному уважаемому депутату вдруг понадобились средства с продажи квартиры бедной учительницы географии?

— Ну там... Сложный вопрос, — ответила мама и отвела глаза. — Просто Володя хотел убедиться, что я серьезно за него пойду замуж, и чтобы я себе... Ну как говорят — пути назад не оставила.

Мама явно что-то мне недоговаривала. Но и озвученной причины хватало, чтобы понять, что это какая-то манипуляция мамиными чувствами. Только мне она рассказывать не хочет. Спорить с ней бессмысленно теперь — она уже все сделала.

— Ты отдала деньги ему?

— Это... Это неважно. Кристина, мы разберёмся сами.

— Значит, отдала... — Осела я на диване.

— Так, разговор окончен, — сказала она. — Иди и занимайся.

— Ты хоть понимаешь, что завтра Володя может тебя разлюбить, и мы пойдем жить на улицу? — спросила я.

— Такого не будет, — уверенно заявила она. Мне бы хоть грамм её уверенности в нём... — Володя дорожит своей репутацией.

— Да откуда тебе это знать? Тебе мало было отца?

— Жестоко с твоей стороны об этом мне напоминать, — прикрыла она глаза. — Твоя мама только счастье своё нашла, на старость лет. Ты бы порадовалась за меня, дочка...

— Я бы порадовалась, но тебе самой не кажется подозрительным вот это всё? — пожала я плечами. — Продажа квартиры, передача денег, какие-то доказательства любви через это?

— Нет, не кажется.

— Мам...

— Иди и занимайся, — повторила она. — У тебя экзамены на носу.

А я вот боялась, что теперь в моей жизни появятся проблемы куда страшнее экзаменов...

24.

Экзамены я домучила и всё же сдала. С первой попытки. Учителя явно мне подыгрывали: во-первых, им было меня жаль (“ах, девочка так болела — пневмонией!”), а во-вторых, только ради меня таскаться в школу никому не хотелось, ведь началась пора отпусков и каникул. Так что можно считать, что я отделалась малой кровью — половину из билетов преподаватели рассказали мне сами. Я получила свои “пятёрки” и была свободна от учебников до сентября.

Предстоящий год был очень ответственным — мне нельзя было иметь в аттестате более двух “четвёрок”, иначе я пролетала мимо вуза своей мечты. Очень хотелось поступить на бюджетное место. Своими силами, естественно. Впрочем, я готова была пользоваться небольшими льготами при поступлении: я — дочь учителя, и ребёнок одного родителя. Таким дают немного больше шансов поступить. А вот на помощь маминого жениха я не рассчитывала вовсе. Я пока вообще не понимаю, кто он такой. Политик, а зачем-то взял деньги у моей мамы. Или просто взял её себе в рабство? Куда она пойдет от него теперь, если у неё даже квартиры теперь нет?

Что же он такое наговорил и наобещал ей, если моя мама, такая всегда рассудительная, вдруг согласилась на такую глупую не побоюсь этого слова аферу?

Однако со мной она говорить на эту тему отказывалась, и

более того — мы ссорились, что вообще бывало у нас очень редко...

Уже эгоистично начала думать, что мама меня больше не любит. Она вырастила меня, захотела женского счастья и решила любить Владимира. Словно бы её сердце способно любить только кого-то одного, и моё время вышло, более для меня места там не нашлось.

Мама, конечно, интересовалась как и раньше всеми моими делами, но что-то в ней безвозвратно изменилось. Она словно стала дальше от меня, зарылась в чувствах к Завьялову...

И как на это всё реагировать я совсем не понимала. Мне просто было горько и грустно от этого, и предстоящая жизнь в доме Владимира не радовала тоже, а даже словно сулила какие-то несчастья. Хотя, может, я себя и накручивала зря — просто мне не нравится “Володя”, и я отношусь к нему в принципе предвзято.

Но мама всё уже решила и сделала, и мне не остаётся больше ничего, кроме как подчиниться и ехать вместе с ней. Другого варианта у меня нет — мне ещё целый год учиться в школе, нужно готовиться к экзаменам, где же мне ещё это делать? Не на улице же...

Всё вышло, как захотела мама: вещи были собраны, а мы вместе с чемоданами вышли за дверь. Какие-то молодые лю-

ди вместо Владимира помогали нам снести вниз чемоданы и запихать их в багажник машины.

Мама закрывала ключом нашу квартиру, которая больше нам не принадлежит по документам, а мне всё казалось, что она закрывает на ключ нашу с ней спокойную жизнь.

— Ты уверена, что правильно поступила? — спросила я, чувствуя, как почему-то бешено бьётся сердце, в груди поднимается паника, а на глазах выступают слёзы.

— Кристин, — повернулась ко мне мама, убирая ключи в сумочку. — Ты опять начинаешь? Мы же с тобой всё уже обсудили. Пойдём, нас ждут.

— Обсудили, — снова начала закипать я, не обращая внимания как слёзы от обиды скатываются сами по себе по моим щекам. — Ты сама всё решила за нас обоих. Это был твой выбор. И Володи. Меня ты не спрашивала.

— Потому что ты, радость моя, ещё несовершеннолетняя, и решать такие вопросы, как квартирный, всё равно не в состоянии. Вот наступит тебе восемнадцать, купишь квартиру и будешь там решать уже, что и как с ней делать.

— Мам, ты словно на другом языке со мной говоришь...

— Пойдём, — взяла она меня за локоть и повела к лестнице. А мне так тяжело было отсюда уходить, зная, что я больше никогда, никогда сюда не вернусь. Мне было это больно. Я словно шагала в пропасть, а не по лестнице вниз. — Ну чего ты плачешь, глупая? Всё будет хорошо. Неужели твоя мама тебя бы бросила?

Да вот я и не знала, что тут может быть хорошего...

Чем же ты мама, руководствовалась, отдавая Владимиру деньги за нашу квартиру?

И что из этого может выйти хорошего, тоже не понимала.

— Ну а мебель? — спросила я, следуя за ней по ступенькам. Она вела меня за руку, словно я могу передумать и остаться жить в подъезде. — Они всё выкинут...

— Пусть, — пожала плечами мама. — Этой мебели уже столько лет... Могут выкинуть, если хотят, или пользоваться. А у нас с тобой, милая, совсем другая жизнь начнётся теперь. У нас будет новая, красивая мебель, вот увидишь...

Я покосилась на маму. Владимира ли она любит, или же жажда роскоши ей совсем разум отключила? Она всегда мечтала жить богато и красиво. Теперь её мечта сбывается. Только за всё в этой жизни надо платить. Даже страшно представить какова будет цена её желания... И сдаётся мне, что платить за него мы будем обе.

Я последний раз кинула грустный взгляд на нашу самую обычную, но такую родную, серую пятиэтажку, потом села в машину на заднее сиденье рядом с мамой, а молодой человек, присланный Владимиром нам для помощи, закрыл за мной дверь.

Он сел впереди рядом с водителем, и дорогая иномарка выехала со двора. Навстречу нашей новой, совсем новой жизни.

25.

— Это твоя комната, — показывал дом нам сам лично мамин жених.

Он обращался ко мне. Мы стояли посредине большой светлой комнаты с окнами в пол и собственным санузлом.

Комната хорошая. К ней претензий у меня не нашлось. Она даже понравилась. Но всё равно мне тут пока неуютно — это не мой дом. Хочется обратно в квартиру, в свою маленькую комнатку, такую привычную и родную... Но придётся оставаться тут. И привыкать...

— Тебе нравится? — спросил Владимир. — Может, чего-то не хватает? Прислуга принесёт.

Я обернулась на него. Мамочки мои, тут ещё и прислуга есть? Да уж, как в другой мир попала... Мы с мамой о таком и мечтать не смели.

— Пока не знаю, — ответила я. — Я же первый раз вижу эту спальню. Но мне ничего не потребуется, не беспокойтесь. А если и понадобится — я сама всё найду.

— Что ж... Ну ты всегда можешь обратиться к Лине — это наша домоправительница. Она тебе поможет по любым вопросам, касаемо дома.

— Хорошо, учту, — кивнула я.

— Если тебе здесь будет некомфортно, ну мало ли... Не по фен-шую, то можем выделить тебе другую спальню, —

сказал он.

— Да не нужно, — откликнулась я. — Вы и так очень гостеприимны, и комната очень хорошая.

— Отлично, — улыбнулся он. — Тогда располагайся. — Кстати, в соседней комнате живёт Дина — надеюсь, вы познакомитесь.

Я тоже на это надеюсь, хоть и мало шансов даю на эту дружбу — слишком уж мы разные. Она росла принцессой среди слуг, а мы с мамой гречку неделями ели и полы мыли сами. Но если уж нам предстоит вместе жить и быть одной семьёй, то хорошо бы наладить контакт и создать хотя бы видимость дружбы.

Значит, Владимир поселил нас рядом в надежде, что мы будем чаще пересекаться, общаться, и как следствие — возможно, и подружимся...

Может быть, может быть...

Но прежде чем подружиться со всеми членами семьи, мне бы всё же хотелось выяснить один момент... От которого сейчас многое зависело. Я, конечно, в угоду матери могу делать вид, что всех уважаю и люблю, но хотелось бы и в самом деле жить без камня на шее.

— Владимир, — обратилась я к нему. — Можно с вами побеседовать. Наедине. Это важно.

— Кристина, — тут же позвала меня мама, которая до этого интересовалась качеством покрывала на кровати, предназначенной для меня. — Ты что задумала? Володе некогда,

ему ехать пора.

— Не волнуйся, — мягко обнял её Завьялов, намекая на то, что эти вопросы он уладит сам. — Мы будем одной семьёй, и между нами не должно оставаться никаких нерешенных вопросов, но... Честно говоря, я действительно должен ехать. Может быть, вечером поговорим?

— Буду ждать вечера с нетерпением, — ответила я.

— Хорошо, постараюсь приехать домой пораньше, — сказал мне Владимир. Потом чмокнул маму в макушку. — Всё, девчонки, мне правда пора. Осматривайтесь, обживайтесь... Вы дома. Помните про Лину. Пока!

— Удачной встречи, дорогой, — улыбнулась ему мама.

Мне же захотелось закатить глаза. Ну прямо образцово-показательная семья... Посмотрим, что дальше будет. Владимир — вежливый и приятный в общении, но всё равно я ему пока ни на йоту не доверяю. Особенно после истории с квартирой...

Он вышел, а я поймала на себе взгляд мамы.

— Что? — спросила я её.

— Кристина, ты что задумала? — Встала она руки в боки. — Я, кажется, просила тебя не лезть в мою личную жизнь.

— Мама, твоя личная жизнь напрямую влияет и на мою жизнь, — ответила я. — Ничего плохого я не задумала. Ссориться я с ним не буду. Просто хочу выяснить его намерения насчет тебя, и понять, какое будущее нас с тобой ожидает — мы с тобой связаны, если ты ещё помнишь. Мне год учиться

в школе, и год придётся жить вместе с твоим будущим мужем, и уже только после получения аттестата я смогу что-то решать за себя.

— Что именно ты хочешь выяснить? — сузила глаза мама.

— Свадьба будет.

— Вот это я хочу услышать от него наедине.

— Но ведь мы тебе всё сказали уже.

— Мам, — посмотрела я на неё. — Мне нужно с ним поговорить. Ну, считай, что для успокоения собственной души. Я не собираюсь вставать между вами и как-то расстраивать ваш брак. Честно.

— Кристин...

— Всё нормально, мам, — заверила я её. — Неужели ты думаешь, я способна тебе так испортить жизнь?

— Ох, девочка моя... — вздохнула она и подошла ко мне. Обняла. — Ты себе не представляешь как долго я ждала такого мужчину как Володя. Как сильно я хотела сделать нашу с тобой жизнь лучше. Я же о нас с тобой пекусь.

Продажей квартиры? Хотелось мне спросить, но я прикусила язык. Это бесполезный разговор, который снова приведет к ссоре, а я от них уже, честно говоря устала. Меня вон Лёлька до сих пор по телефону достаёт — взяла у неё билеты, так она посчитала, что это шаг к примирению... А тут ещё скандалы с мамой добавились.

— Я не буду ничего такого говорить ему, что вас бы рассорило. Обещаю, — посмотрела я в её глаза.

— Точно?

— Да.

— Смотри, дочь... — покачала она головой. — Доверюсь тебе. Тем более, что Володя уже всё равно согласился на разговор.

— Всё будет хорошо, мам.

— Ладно, — отпустила она меня. — Разбирай вещи... Я тоже пойду, этим же займусь. А потом пойдём насчет ужина решать. Готовить я всё равно хочу сама. Что я — мужчину своего не накормлю?

— Ага.

— Спускайся вниз через пару часов.

Мама ушла, а я задумчиво уставилась на свои чемоданы. Да, надо бы их, конечно, разобрать... Раз уж мы тут надолго.

Всё будет хорошо... Но пару важных и острых вопросов Владимиру я всё-таки задам.

26.

Вечером, когда все мои вещи были разложены по чужим мне шкафам, я всё-таки дождалась Владимира. Шорох шин за окном в тишине позднего вечера сразу привлёк мое внимание. Я отодвинул штору и глянула на улицу — так и есть, авто Владимира въехало на территорию дома.

Спешно спустилась вниз, желая встретить его и напомнить про разговор. Даже не переодевалась ещё в пижаму. Мама тоже не спала и в гостиной ожидала возвращения жёниха.

— Добрый вечер, — улыбнулся нам Владимир, когда оказался в гостиной. — Как приятно, когда тебя с тяжелого рабочего дня встречают девчонки.

— Добрый вечер, — вежливо, но сухо отозвалась я, а мама поздоровалась с мужчиной по своему — прильнула к груди.

— Устал? Сейчас ужин подогрею, — сказала она ему.

— Не нужно, — покачал головой Завьялов. — Поужинали в ресторане с партнёрами. А вот насчёт устал... Да, безумно. Рад, что уже дома. Кристин, ты чего не спишь-то ещё? Меня для разговора ждёшь?

— Да, если можно, — сказала я, собрав руки в замок.

— Поздно уже. Может, отложим все разговоры на завтра? — спросил он.

— Завтра я уже могу не решиться на этот диалог, — от-

ветила я. — А мне нужно знать. Много времени я не займу, обещаю.

— Ну, хорошо, — кивнул наконец мужчина. Он отстранился от мамы и обратился к ней. — Ты иди наверх, я сейчас переговорю с Кристиной и поднимусь тоже.

— Хорошо, — ответила мама и ушла вверх по лестнице.

— Идём, — указал он рукой мне на кухню.

Вскоре мы оказались на ней вдвоём, я прикрыла дверь, чтобы наш разговор не был слышен маме.

— Чая? — спросил Владимир.

Он подошёл к барной стойке, поставил перед собой две чистые чашки и взял в руки чайник.

— Нет, спасибо, — отказалась я.

— Как хочешь, — пожал плечами мужчина и налил себе в чашку чай. — Садись тогда, и рассказывай, что ты хотела знать.

Я села напротив него, но долго молчала. Решиться с ним поговорить было проще, чем задавать ему вопросы на самом деле. По факту я ничего о нём, как о человеке, не знаю, и не могу поручиться за то, какая у него будет реакция на сказанное мной. Но раз уж я сама его сюда привела, надо что-то говорить...

— Кристин, — поторопил он меня. — Я, конечно, не против вот так с тобой выпить чая, но ты всё-таки расскажешь мне, о чём ты хотела поговорить среди ночи?

— Да, — кивнула я, собрав свою волю в кулак. — О маме.

— Я догадался, — усмехнулся он. — А конкретнее можно?

— Конкретно о ваших планах на неё. Я за неё...волнуюсь.

— А ты прям такая защитница, да? — задал он вопрос с каким-то странным смешком. Меня аж передёрнуло. Не понравился мне его тон...

— Я должна знать, за кого выходит замуж моя мама, — ответила я. — К тому же, это напрямую затрагивает и мою жизнь.

— Нет, это похвально, конечно, — сказал он. — О маме нужно заботиться.

— Как иначе? Она — моя мать.

— И что именно тебе непонятно? — смотрел на меня Владимир. В его глазах исчезло веселье. Осталась усталость и какой-то холод... Пока я ему не очень нравлюсь, хоть Завьялов и изображает вежливость и радушие. Впрочем, это взаимно. Будем теперь как в театре играть свои роли, которые к истинным чувствам отношения не имеют... — Свадьба будет, в конце лета, когда из лагеря вернётся моя дочь. Ты же понимаешь, что свадьба без неё невозможна?

— Это я поняла, — сказала я осторожно, подбирая слова, чтобы не разозлить нового мужа мамы. Нам всё-таки жить под одной крышей. — Но вы действительно хотите жениться на ней?

— Да, — ответил мне, открыто глядя в глаза, Владимир. Не похоже, чтобы он говорил неискренне. Может, действи-

тельно, повода переживать ни за маму, ни за себя у меня нет? — С чего у тебя есть сомнения на этот счёт?

— Вы мужчина...непростой, — пояснила я. — Очень удивительно, что такой, как вы, обратили своё внимание на обычную учительницу географии в самой обычной средней школе.

— Ничего удивительного, — пожал плечами Завьялов. — Нина — красивая, ухоженная, ещё молодая женщина. Она мне просто понравилась. Мне неважно, кем она работает. Моих денег хватит на всех.

Тут он прав. Мама родила меня рано, и следит за собой, насколько нам позволяли финансы. Она у меня красивая... Но этого достаточно для брака разве? Неужели только из-за красоты мужчина такого статуса готов взять и жениться?

— Вы любите мою маму, Владимир? Честно.

— Честно? Люблю.

— Без каких-то подводных камней?

— Без. Девочка, тебе нечего бояться за свою маму. Мы с ней нашли друг друга на заре молодости, нам вместе хорошо и тепло. Ничего тут больше нет из объяснений — я просто устал был один. Захотел семью, жену... И Нина мне очень понравилась и как женщина, и как человек.

— И вас не смущало, что у неё есть взрослый ребёнок? — удивилась я.

— Так у меня у самого он есть, — мягко рассмеялся Владимир. — В нашем возрасте было бы глупо искать вторую

половину, у которой не было за всю жизнь ни детей, ни пле-тей.

— Но вы могли найти себе молодую, без детей.

— Мог, — вздохнул он. — Но судьба свела меня с твоей мамой, и я решил, что хочу видеть её в качестве супруги.

— Но... Тогда я не понимаю, — растерялась я.

Что-то тут не вязалось всё равно...

— Что именно? Я тебе уже всю душу раскрыл.

— А квартира?

— Что квартира?

— Вы попросили маму её продать и взяли деньги с её про-дажи. Зачем? — задала я прямой вопрос, который вертелся у меня на языке с самого начала разговора.

Владимир нахмурился. Значит, я права...

— Нина рассказала? — спросил он.

— Нет. Она не хочет со мной об этом говорить.

— Сама догадалась, выходит.

— Сама.

— Так может и не стоит лезть в эти дела, Кристина? Раз мама тебя в них не хотела посвящать. Дай ей возможность самой разобраться с этим.

— То есть, вы мне тоже об этом не расскажете?

— Нет, извини, — глянул на меня он. — Есть вещи, ко-торые касаются только взрослых.

— Но это и меня касается! — вспылила я. — Мне через год уже восемнадцать! Может быть, я захотела бы съехать

отсюда в свою квартиру, чтобы вам же с мамой не мешать. Но вы её зачем-то продали.

— Ты нам нисколько не мешаешь, — поднялся на ноги Владимир. Он явно был намерен неприятный для него разговор завершать. — Дом большой, места тут хватит и вам с Динкой, и даже вашим мужьям, когда таковые найдутся. А через год — будет через год. Ты зря раньше времени волнуешься и придаешь этой продаже квартиры слишком много смысла.

— Но это была моя квартира, — стояла я на своём. — Как минимум половина была там моя. Как вы вообще меня оттуда выписали?

— Пусть это останется моим маленьким секретом, — заявил он. — Кристина, мне больше нечего тебе сказать по этому поводу. Тебя это не касается — извини. Разговор закрыт. Кстати, насчёт учёбы, — остановился он у двери. — Ты будешь переведена в школу, где учиться моя дочь. Так вас удобнее будет возить, обучение там не в пример лучше, да и твоя школа отсюда очень далеко. Уже поздно. Я иду спать, и тебе советую. Доброй ночи.

— Что? Но...

— Это тоже не обсуждается, — оборвал он меня, предвидя новый спор уже по поводу школы. — Твоя мама на всё согласилась за тебя, и документы из старой школы мы уже забрали. Больше ты там не учишься. Всё, доброй ночи.

Мужчина, явно тоже разозлённый этим разговором, стре-

мительно покинул кухню, бросив свой недопитый чай. Я осталась одна в тишине кухни, а кровь так и стучала в висках. Сердце билось так, словно сейчас грудь пробьёт.

Я что — буду еще и учиться среди этих мажоров, которых презираю за их снобизм? Которые никогда меня не поймут и не примут? Зачем? Это же будет ужасно, я знаю! А главное, отказаться действительно не выйдет. Пока за меня всё решает мама и он, всё будет так, как скажет Володя...

Спешно выпила воды прямо из-под крана, чтобы хоть немного успокоиться.

Ничего мне не сказал. Значит, есть что скрывать. И мне если нужно легко по носу даст, как сегодня. Не нравится мне всё это...

27.

Я молча поплелась в свою новую комнату. Бесцельно походила из угла в угол и решила лечь спать. Хотя уснуть у меня не получалось.

Меня накрыла какая-то депрессия от бессилия. Тихая ярость, не имеющая выхода.

За меня всё решили. Абсолютно всё, ни о чём меня не спросив. Да, конечно, Владимир прав, моя школа отсюда далеко, но я надеялась, что мы найдём какой-то выход, ну или хотя бы моего мнения сначала спросят, в какую школу мне ходить. Но мама уже забрала мои документы. Забрала, и ничего мне не сказала.

Я долго ворочалась в кровати, пока наконец не забылась тревожным сном, но утром, едва я открыла глаза, всё обрушилось на меня с новой силой: я в новом, чужом для меня доме, я пойду в новую, чужую мне школу, и теперь живу в чужой семье со ставшей внезапно чужой для меня мамой...

К завтраку спустилась разбитой и невыспавшейся. С тоской поглядывала на маму, которая, конечно, заметила мои взгляды, но при Владимире говорить ничего не стала. Но едва он уехал, и мы остались одни, то обратила своё внимание и на меня.

— Кристин, ты совсем ничего не ела.

— Не хочется, — отозвалась я, придвинув к себе чашку

с чаем.

— Ты не заболела?

— Ой как заботливо, — съязвила я. — Нет, не заболела. Ты прекрасно сама понимаешь причины моего настроения.

— А почему ты так со мной говоришь? — нервно отложила мама с в сторону тост с джемом.

— Потому мы что ты перестала считать меня за человека!

— С чего ты это взяла, Кристина? — поднял брови она.

— Тебя больше не интересует моё мнение и пожелания. Ты связалась с этим Володей и очень изменилась. Ты всё делаешь так, как он тебе скажет. Зачем ты забрала мои документы из школы?

— Он тебе сказал? — растерялась мама.

— Как видишь, — сказала я. — Иначе откуда мне это знать? Ещё вчера. Так зачем, мама? Я не хочу ходить в школу для мажоров!

— Мы теперь живём слишком далеко, чтобы ты самостоятельно туда могла добраться, — ответила она. — Ты сама уже и так могла догадаться, что из-за переезда школу тебе придётся поменять. Один год потерпишь, это не столь много.

— Но ты ничего мне не сказала!

— Хотела сказать сегодня. Это что-то очень сильно меняет?

— Да, я убеждаюсь, что моё мнение тебя вообще не волнует!

— Но если ты туда не доберёшься сама, то какой выход

из положения ты видишь? — спросил она, повернувшись ко мне корпусом.

— Я... Не знаю! Но всё равно нужно было сначала со мной поговорить, прежде чем решать что-то!

— Других вариантов всё равно нет. Тебе же надо где-то учиться. Так ведь?

— Так, — кивнула я. Ну тут очевидно, но всё равно очень неприятно, что меня вообще не спрашивают ни о чём...

— Ну вот. А это очень хорошая школа, — возразила мама. — Гимназия, с прекрасными педагогами, комфортная. Большая часть населения России может о таком образовании только мечтать. А Володя оплатит твоё обучение.

— Из денег с продажи нашей квартиры? — тут же вспыхнула я. — Какая неслыханная щедрость!

— Кристина, прекрати, — начала сердиться и мама. — В таком ключе я не хочу с тобой разговаривать.

— Правильно, а зачем со мной говорить вообще? — встала я на ноги, решила уйти к себе. В своей комнате мне неудобно, но находиться сейчас с этой женщиной, которая мне стала словно чужая, в одном помещении, мне было ещё тяжелее. — Вы ведь всё равно всё решили, и мне придётся подчиниться — надо же мне где-то получать образование.

— Ты не права, — тоже встала на ноги мама, она тяжело дышала. Ей тоже этот разговор, а точнее, очередная ссора, давался нелегко. — Мы стараемся для тебя. Теперь у тебя комфортный дом, хорошая школа с хорошим образованием.

Вас с Диной будет туда возить личный водитель на хорошем автомобиле. А ты ещё недовольна!

— А кто тебе сказал, мама, что мне всё это нужно? — обвела я рукой огромную столовую со столом на двадцать персон. Мы с мамой и Владимиром, который завтракал с нами, заняли лишь самый его край. — Это ты мечтала о красивой жизни. Не я.

— А что плохого в том, что я хочу, чтобы я жила красиво? — спросила она меня. — И ты тоже.

— Ничего, наверное, — пожала я плечами. — Только не стоит при этом забывать, что я — твоя дочь. Я тебе должна быть роднее, а ты слушаешь советы только своего Володи.

— Он будем моим мужем.

— Да, но я всё ещё здесь и никуда не делась, мам!

— А тебе — семнадцать, милая моя, — огрызнулась она. — И пока ты несовершеннолетняя мы с Володиёй будем решать за тебя где тебе жить и где учиться. Разговор закрыт, Кристина. Я столько для тебя сделала, а ты ничего из этого не оценила. Давно ли мы с тобой одну гречку неделю не ели?

— Прекрасно, — ответила я. — Просто прекрасно. Ты теперь будешь меня постоянно носом тыкать что я у тебя на иждивении? Так вот тебе новость: едва мне исполнится восемнадцать, я уйду из этого дома, и буду наконец-то всё решать сама за себя.

— Как это — уйдёшь? — растерялась мама. — Куда? Тебе надо доучиться!

— А кто сказал, что я брошу школу? — подняла я брови.
— А вот куда уйду — этого я тебе не скажу, извини. Ты выбрала Володю.

Я развернулась и пошла вверх по лестнице. Мама звала меня, но я не захотела больше разговаривать.

Забежала к себе в комнату и закрыла дверь на щеколду. Мама стучала, но я не открыла ей. Закусила нижнюю губу и думала, сев с ногами в кресло у окна.

Сказать-то я, конечно, сказала, что уйду. Только действительно — куда и на какие деньги я буду жить? Снять что-то в этом рае для богачей мне не по карману, а школа явно где-то внутри этого посёлка. И что мне теперь делать? Уже ведь ляпнула...

Ладно, сначала доживу до своего дня рождения — он будет зимой. Судя по нашему напряжённому общению в доме и переводу в школу мажоров, которых я всей душой ненавижу, дожить до восемнадцатилетия на так-то и легко будет.

28.

Мама пыталась со мной поговорить на эту много раз, но теперь уже мне не хотелось. Я закрылась от неё, никак не могла смириться с её поведением и отношением ко мне, что всё это она проделывала у меня за спиной.

Спустя несколько вечеров ко мне в очередной раз постучали в комнату.

— Мам, я не хочу с тобой разговаривать, — отозвалась я, вынув из уха один из беспроводных наушников. Их подарила мне мама, пытаясь загладить вину, но потом мы снова с ней поругались... Теперь таких вещей в доме хоть завались. Ещё бы добрая мама где-нибудь завалилась...

— Это я, — услышала я голос Владимира и резко села на кровати. — Можно зайти?

— Да...

Я вынула и второй наушник и убрала их оба в специальную капсулу. Села на самом краю матраса и провожала взглядом мужчину, идущего по ковру к креслу недалеко от кровати.

— Теперь с тобой побеседовать хочу я. Не против?

— Слушаю, — ответила я.

— Это насчёт твоей мамы.

— Я догадалась, — вздохнула я. — Но хотелось бы ответить вам вашими словами — мы сами разберемся, и наши с

мамой отношения вас не касаются.

Взгляд Владимира стал острым. Мужчина не любит, когда с ним так говорят? Ну простите, пусть привыкает. Я с ним поводов сюсюкаться не вижу. Тем более, что именно так он мне ответил, когда я пыталась с ним поговорить сама. Око за око, зуб за зуб.

— То есть, разговора у нас с тобой не получится? — нахмурился он.

— А он так уж вам нужен? — заломила я одну бровь.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, вас же мама сюда прислала, не так ли?

— Ты всё же очень умная девушка, Кристина, — смерил он меня оценивающим взглядом. — Ты добьешься больших успехов в жизни. Хочешь учиться в “Йелле”?

— Г... Кхм, где? — аж закашлялась я.

— В самом престижном университете Соединенных Штатов, — спокойно пояснил Завьялов, хотя я, конечно же, знала, что это такое.

— Я знаю, но... Что вы имеете в виду?

— Что ты можешь там учиться. И Дина тоже поступает туда. Хочешь там учиться?

Я бы хотела гордо сказать ему, что не хочу, потому что он наверняка предложит оплатить мне обучение там за...молчание? За перемирие с матерью? Ничего себе подкуп, щедрый...

— Кто бы не хотел там учиться?

— Ну, ты у нас девушка не вполне обычная. Твоя душа пока для меня — потёмки.

— Я не думала об этом, — честно ответила я.

— А ты подумай, — посмотрел в мои глаза Владимир. — Всего лишь надо простить свою мать и перестать дуться.

— Мне ближе моя страна, — ответила я, игнорирую слова о матери. Тут мы всё же без седых мужиков разберёмся. — Я бы не рискнула поехать за границу.

— Ну хорошо, — кивнул он. — Тогда, МГУ?

— Вам так важно меня подкупить? — спросила я в лоб.

Владимир нахмурился. Мои слова ему вовсе не нравились.

— Ну, вообще, раз уж я женюсь на твоей матери, то считаю необходимым устроить судьбу и её дочери. Не такое уж я дерьмо, извини за мой французский, каким ты меня себе представила.

— Я так... не считала.

— Оно и видно, — хмыкнул мужчина. — Прости свою мать, Кристина. Это я её на всё это уговорил. Ну а школа... Извини, что вышло так всё — я вывалил тебе эту информацию как снег на голову. Мама хотела поговорить с тобой и убедить тебя в необходимости данного мероприятия. До твоей старой школы добираться отсюда слишком долго и накладно — я же не стану нанимать отдельного водителя и машину специально для тебя.

— Я и не прошу.

— Но на автобусе ты будешь ехать до школы два часа.

Мне нечего было ответить на это. Он прав. Но это не давало им никакого права всё проворачивать у меня за спиной!

— Мне не понравилось, что мама не поговорила даже об этом со мной. Просто поставила перед фактом, что уже забрала документы.

— Она не успела. Я её опередил. Тебе понравится гимназия, — сказал Завьялов. — Там хорошие педагоги.

— А вот как вы собираетесь платить за гимназию и даже за “Йелль”, если у вас денег нет? — задала я новый вопрос и снова встретилась со взглядом холодных зелёных глаз Владимира.

— С чего ты взяла, что у меня нет денег?

— Потому что вы заставили мою маму продать квартиру и забрали деньги.

— Не заставлял... — отвёл глаза он в сторону. — Это было больше её решение. Но это не влияет на ваше обучение. Это...долгая история, не бери в голову. Я оплачу ваше обучение. Ты, главное, маму так не кори. Кристин, ей ведь больно и плохо. Она ведь твоя мама. Как ты можешь быть такой жестокой к ней? У Нины давление каждый вечер ни к чёрту, потому что она переживает из-за вашего разлада. У моей Динки мамы нет давно, она бы тебе позавидовала.

От его слов стало неудобно, и даже стыдно. Щёки опалил румянец. Он прав, я действительно обижаю маму. Может, она в самом деле плохого не хотела? Стоят ли наши ссоры

её самочувствия?

— Вы, надеюсь, к врачу её отправили? — уточнила я.

— Конечно, — ответил Владимир. — Но только таблетки ей не помогут... Не до конца. Важно, чтобы стрессов не было. И в твоих силах этому поспособствовать.

— Хорошо, я с ней поговорю, — согласилась я, размышляя о том, что, наверное, палку всё же перегнула в общении с мамой. Она хотя бы признаёт, что не во всём была права.

— Вот и умница, — произнёс он и встал с кресла. — Я знал, что ты не только умная, но и добрая девочка. А насчёт “Йелля” подумай. Всё реально. Доброй ночи.

Он ушёл, а я так и зависла на месте.

Брать от него ничего не хочется, конечно. Да и я уже сказала маме, что после исполнения мне восемнадцати лет уйду отсюда...

Но это “Йелль”...

С мамой мы помирились. Больше за моей спиной она ничего не делала и слышала меня — стала советоваться. Про дела с квартирой так и молчит, как в рот воды набрала, но я решила оставить всё-таки этот вопрос на её совести. Отношения постепенно наладились и стали почти такими же как раньше, вот только разговор о том какой же пупсик “Володенька” стало больше... В принципе, к нему претензий у меня не было вовсе. Маме цветы носил, комплименты сыпал,

ко мне не приставал ни по каким вопросам, очень редко.

Мы выбрали маме свадебное платье и готовились к церемонии... В конце лета вернётся дочь Владимира, и мы сыграем пышную свадьбу.

29.

АРХИП.

— Так... Приходи почаще в мои сны... Чёрт.

Я снова сбился с аккордов. Держать гитару и лист с нотами и текстом не очень легко.

— Ну и насочиняли...

Ромыч прислал на днях на электронную почту мне текст и музыку той песни, с которой мы планировали выступать осенью. Песня, мне между прочим понравилась, но пока ещё очень сыро её играл. Тренировки решат этот вопрос, к концу смены должно получаться уже лучше.

— Вот ты где, — услышал я за спиной голос Дины.

Она обошла меня, расположившегося в отдалении от всех с гитарой и текстом песни.

— Песню учишь? — спросила она осторожно усаживаясь рядом.

Несколько дней мы с ней не разговаривали. Но сейчас я уже остыл и прогонять её от себя не стану.

— Да, — ответил я, перебирая струны и повторяя начало, которое выучить уже смог. — Питер скинул мне на мыло.

— Красиво звучит.

— Ага, близнецы прикольно написали.

— Они прям таланты у вас с Питерским.

— О да, те ещё два одинаковых чуда в перьях...

— Наверное, кто-то из них влюбился? Такой текст... Трогательный, — сказала Дина.

— Да кто его знает, — пожал я плечами. Я как раз эти сю-си пуси не особо люблю, но эта песня мне пришлась по вкусу как и Динке, хотя она действительно, что называется, за душу берёт. — Может, и влюбился...

— А вы таким друг с другом не делитесь?

— Нет, — рассмеялся я.

Даже не представляю как сидел бы с платочком в руках и на плече Романа плакал и рассказывал о своей любви...

— Вообще никогда? — удивилась она.

— Очень редко.

— А можно мне пойти на концерт, когда вы будете играть эту песню?

— Да можно, наверное, — отозвался я. — До концерта только дожить надо. Впереди почти два месяца тут жить.

— Да, запихнули нас с тобой папочки...

— Избавились, практически.

— Как говорят: богатые тоже плачут.

— Ну уж из-за этого плакать... — хмыкнул я.

— А я вот плакала, — посмотрела она на меня и мягко взяла за руку, мешая играть дальше. — Архип, я не могу так, когда ты ко мне по три дня не подходишь. К тебе лепятся другие девчонки.

— Другие мне не нужны, — ответил я. — А в остальном ты сама виновата, Дина. Ты меня своей ревностью беспоч-

венной с ума просто сводишь.

— Прости меня, пожалуйста, — будто бы искренне сказала она. Но я знаю, что это будет повторяться опять. Только совсем с ней порвать почему-то не получается... Привычка, что ли, за много лет общения, с самого детства, выработалась. — Я постараюсь держать себя в руках.

— Дина, — сказал я, глядя ей в глаза. — Ты сама знаешь, что ты мне дорога. Мы столько лет с тобой дружим. Я не могу просто взять и избавиться от тебя. Но ты переходишь всякие рамки. Пойми, я не твоя собачка, и не баран, которого так легко увести на верёвочке. Я не собирался уходить от тебя. Если что-то изменится — я тебе об этом сообщу. Своим мозгопиллом ты ничего не добьёшься от меня кроме того, что я всё-таки буду думать в сторону расставания окончательно. У меня тоже нервы не железные, и когда отношения начинают приносить больше негатива, чем всего остального, то возникает закономерный вопрос — а на кой чёрт такие отношения?

— Нет-нет, — затрясла она головой, сжимая мою руку крепче обеими ладонями. — Не говори так. Я не смогу такое пережить... Прости меня, я буду исправляться. Я просто тебя очень люблю, Архип.

— Да я тебя тоже, глупая, — улыбнулся я и отложил в сторону гитару. Притянул к себе ближе дрожащую Динку. Она уж и правда решила, что я могу принять решение с ней расстаться. Но пока мне это на самом деле не хочется. — Всё

будет хорошо. Только не выноси мне мозг.

— Ты меня прощаешь? — наивно заглянула она в мои глаза.

— Я не в обиде. И надеюсь, что ты перестанешь клеветать меня за других девчонок, которые просто посмотрели на меня, и ничего для меня не значат.

— Перестану.

Угу. Посмотрим насколько тебя хватит, милая. И меня.

— Ты вообще какая-то дёрганая в последнее время. Что с тобой происходит? — спросил я.

— Отец женится, — ответил она.

— Ого, — поднял я брови. — Ты мне ничего не говорила.

— Я ни с кем об этом не говорила пока. Он мне про свадьбу сказал в те дни, когда мы с тобой в ссоре были.

— Понятно... Чего он надумал-то?

— Да говорит, что влюбился и нашёл женщину своей мечты, — хмыкнула Дина, постепенно успокаиваясь на моём плече. — Нашёл себе какую-то училку, представляешь?

— Учительница? — рассмеялся я. — У твоего отца своеобразный вкус. Хотя бы из частной школы?

— Из самой обычной.

— Ещё веселее...

— А это ещё не всё, — глянула на меня Дина.

— Ну? — откликнулся я. — Я заинтригован, рассказывай.

— У этой нищей училки есть такая же нищая дочка. Твоя ровесница.

— О как, — выдохнул я. — Вот это дела... Так он что — и дочку её притащит в ваш дом теперь?

— А куда её девать? Предлагаешь поселить её в гараже?

— Ну, если плохо себя вести будет, можно и в гараже...

— Да не смешно! — мягко стукнула она меня локтем в рёбра. — Нафига она мне в моём доме нужна? А отец вообще всё внимание училке уделяет, про меня и думать забыл...

— Да погоди, вдруг они нормальные. Подружитесь ещё.

— А ты сам бы обрадовался такой вот сводной сестричке-нищевродке? Отец её и к нам в школу оформить хочет.

— Я — нет, не обрадовался бы, — честно ответил я. — Но отец тебя точно слушать не станет в этих вопросах.

— Он и не стал. Перед фактом поставил, что свадьба в конце августа. Сразу как мы вернёмся в город.

— Да ладно тебе, — потрепал я её волосы. — Всё нормально будет. Не кусаются же твои училка и её дочь?

— Они мне мои, — буркнула Дина, которая всё-таки сильно переживала, я ощущал её состояние, но чем подбодрить в этой ситуации, не знал.

— Ладно, пошли в корпус, — глянул я на часы на руке. — На ужин всех собирают уже, наверное.

— Тебе лишь бы пожрать!

— Естественно, я же мужчина. Мне надо срочно кусок мяса, — не среагировал я на её укор, мол, я тебе тут о душевных терзаниях, а ты — про желудок. — И тебе тоже надо поесть. Пошли-пошли...

Я поднял её за руку с лавочки, забрал гитару и текст песни, и мы вместе зашагали в сторону корпусов летнего лагеря, который на всё лето станет нам с Динкой домом.

30.

Мой мозг впечатлился песней, и даже во сне мне снились эти ноты и строчки...

Мне приснилось, как мы уже на фестивале. Готовимся к выходу за кулисами.

Волнение едва позволяет дышать и едва не заставляет волосы на голове шевелиться, и всё же — это прекрасное волнение. Это особенное удовольствие от выступлений на сцене, от рёва и слёз толпы, ничем не заменить.

Мы выходим на сцену. Рёв публики встречает нас, яркие софиты бьют в глаза, от них жарко, всегда жарко на сцене.

Мы занимаем свои места с инструментами, я поднимаю глаза, кидаю взгляд в зал и вдруг ловлю такой уже знакомый образ...

Девочка, с белыми волосами и собранным нежной заколкой с бантиком, большими голубыми глазами, стоит у самого края сцены и ждёт, как и все начала выступления. Но она не как все. Она выделяется, даже когда просто молча стоит. Просто она другая.

— Кристина... — сказал я.

Она не могла слышать, но она смотрела на меня и прочитала по губам, что я назвал её по имени. Мягкие губы тронула улыбка, а в глазах заплясали озорные огонёчки...

— Эй, Арх, — пнули меня под бок пацаны. — Ты чего

заснул, играть-то собираешься?

Я сконцентрировался на гитаре и нотах, но то и дело взглядом возвращался взглядом в зал, искал её...

Под финал я снова посмотрел в зал, но вместо Кристины вдруг оказалась... Дина.

Что за нафиг?

А где Снегурка?!

Динка тоже была с розовым бантом в волосах, улыбалась мне и махала рукой, в той же куртке, в какой была до этого Кристина...

Я сморгнул несколько раз, но ничего не изменилось — в зале Дина, а не Кристина...

— Кристина? — позвал я в микрофон. — Кристина!

— Эй! — пихнул меня кто-то в бок.

— М-м-м... — недовольно заворчал я и перевернулся на другой бок в своей постели.

— Арх, проснись!

— А, что? — резко сел я на кровати и спросонья попытался сосредоточиться на парне, что сидел сейчас на краю моего матраса и упорно мешал мне спать. — Владян, тебе чё надо? Ты чё опух — будишь меня среди ночи?

— Я опух? — возмутился он. — Это ты нас перебудил всех! Орёшь на всю комнату “Кристина, Кристина”! Кого ты там потерял во сне? Найди, пожалуйста, и заткнись, мы спать хотим!

Он босиком прошлёпал от моей кровати обратно к своей,

а я окинул взглядом других. Нас в комнате было трое, все жили по трое...

— Я реально орал? — спросил я.

— Да! — развёл руками третий мой сосед. — Так, что она возможно тебя даже услышала и сейчас прибежит сюда.

Я так и упал обратно на подушку.

— Извините, пацаны.

— Да ладно. Спи уже...

Я лег на бок и попытался уснуть.

С чего вдруг она мне приснилась, да я ещё и орал её имя на весь лагерь?!

Позорище...

Не дай бог Динка узнает — скандал закатит.

С момента, как я удалил её номер совсем, мы больше не общались. Мне она писать не стала, естественно, а я тоже не имел такого желания после всего, что она мне наговорила. Да и некуда было — номер-то я снёс из телефонной книги.

И вот спустя несколько недель она мне взяла и приснилась...

Как будто призвал её этой самой песней, что написали близнецы:

Приходи почаще в мои сны...

Тряхнул головой.

Бред какой в голову лезет.

Белобрысый, красивый бред по имени Кристина...

Никто не должен об этом знать. Завтра же попрошу пацанов молчать об этом.

И сам забуду — это просто дурацкий сон, игры подсознания...

31.

Лето пролетело незаметно. Последнее лето моего всё ещё детства, ведь я иду в одиннадцатый класс, подошло к завершению.

В лагере всегда происходит что-то интересное, и вообще — что-то всегда происходит.

Песню выучил, так что теперь не стыдно будет вернуться на репетиции к парням. Да ещё и плавание у меня — чувствую, график последнего учебного года у меня будет плотным...

Мерный стук колёс убаюкивал. Почти сутки пути в поезде остались позади.

Вот уже и наша область показалась.

— Архип, я...

— Я не хочу с тобой говорить, Дина, — ответил я довольно грубо, когда она попыталась зайти в моё купе, в котором я ехал с приятелем на сей раз, а не с ней. Но в этом она была виновата сама. Как и я догадывался, долго свою ревность она сдерживать не смогла. И опять устроила мне шедевральный вынос мозга!

— Архип.

Она всё равно зашла в купе. Я никак не отреагировал. Не хотелось слушать ни слова. Я прекрасно знал, что она мне скажет. Уже все её оправдания выучил и мольбы, и они, надо

признать, мне порядком уже надоели.

— Лёш, ты можешь выйти? — обратилась она к моему спутнику.

Тот глянул на меня. Ну не выталкивать же теперь Динку из купе? Конечно, Лёшка вышел.

Я глянул на неё.

— Ну, что ещё ты мне не сказала? — спросил я. — Вчера ты прекрасно поупражнялась на мне в самых разнообразных эпитетах.

— Архип, — присела она с другого края моего сиденья. — Я виновата...

— Я это слышал уже тысячу раз, — вздохнул я. — Я не твой пёс на цепи, пойми. И больше ты меня этим не купишь. Твои обещания, Дина, ничего не стоят. Ты только говоришь высокие слова, что больше такого никогда не повторится,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.